

Санкт-Петербургский
государственный университет

5–6 марта 2003 г.

От редактора

Настоящая конференция открывает вторую половину цикла 10 ежегодных конференций, проводимых в СПбГУ с 1998 года с целью возрождения исследований балтийских языков в России. Пять предшествующих конференций были посвящены различным аспектам синхронного языкознания, нынешняя обращается в первую очередь к проблемам исторического описания языка: балтийской этимологии и ономастики. Чрезвычайно важно привлечение данных балтийской этимологии (и ономастики) для исследования вопроса о балто-славянских языковых отношениях. С другой стороны, исследования балтийской ономастики проливают свет на историю древнейших взаимосвязей балтов и прибалтийских финнов. Таким образом, тематика конференции лежит на пересечении основных проблем как языковой истории народов северо-восточной Европы, так и их этногенеза.

Организаторы конференции благодарят Российский фонд фундаментальных исследований за финансовую поддержку (грант № 03-06-85022).

Конференции по балтистике в СПбГУ

(время проведения — первая неделя марта)

- 1998 г. Круглый стол «Балтийская филология»
- 1999 г. Фонетика и акцентология
- 2000 г. Морфология и словообразование
- 2001 г. Синтаксис
- 2002 г. Лексикология и лексикография
- 2003 г. *Этимология и ономастика*
- 2004 г. Историческая грамматика, история литературного языка
- 2005 г. Диалектология
- 2006 г. Стилистика и культура речи
- 2007 г. Психолингвистика, социолингвистика, компьютерная лингвистика
- 2008 г. Круглый стол «Балтийская филология»: 10 лет спустя

Секретарь организационного комитета

Алексей Андронов

e-mail: baltistica@ik6795.spb.edu

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания
Университетская наб., 11
199034 Санкт-Петербург, Россия
тел. (7 812) 328 95 10
факс (7 812) 328 97 65

St. Petersburg State University
Philological faculty
Department of General Linguistics
Universitetskaya nab., 11
199034 St. Petersburg, Russia
phone (7 812) 328 95 10
fax (7 812) 328 97 65

Имена собственные в двуязычном словаре

В лексикографической практике наблюдается неоправданно категорическое противопоставление имён нарицательных и имён собственных: последние либо вообще не включаются в словари, либо включаются весьма непоследовательно и в гораздо меньшем объёме, чем первые. Тем не менее, необходимость включения имён собственных в общие толковые словари отмечал ещё Л. В. Щерба [1974: 278–280]¹. Важности помещения имён собственных в двуязычные словари посвящена статья Л. П. Ступина [1967], подробно этот вопрос разбирается В. П. Берковым [1973: 88–109; 1996: 54–62], разные группы имён собственных широко представлены в его «Русско-норвежском словаре» [Берков 1987; 1994].

Классификация случаев передачи имён собственных одного языка на другой язык предлагается В. П. Берковым [Берков 1973: 91–97]. Целесообразно различать а) регулярную звукопередачу («звуки и звукосочетания одного языка последовательно передаются звуками и звукосочетаниями другого языка по чисто формальным правилам, носящим массовый характер» [Берков 1973: 91])² и б) перевод (нефонетическую передачу, когда «материальный состав имён собственных одного и того же объекта в двух данных языках не сводим к каким-то массовым закономерностям фонетического характера» [Берков 1973: 93]). Между этими двумя полюсами лежат случаи в) нерегулярной звукопередачи, противоречащей действующим в данное время правилам перехода в отдельных деталях. Примеры: а) *Ķīšezers* — *Кишэзерс*, *Pitalova* — *Питалова*; б) *Krievija* — *Россия*, *Pleskava* — *Псков*, *Aikāsāp* — *Айболит*; в) *Pelše* — *Пельше*, *Pēmp* — *Рётерис*, *Kristīne* — *Кристина*. Между названными случаями нет чётких граней: «Сложность в том, что между одним полюсом, представленным словами *Rim*, *Пари́ж*, *Цицеро́н*, и другим, где находится, например, название африканской деревни, которую посетил журналист, возможны все промежуточные ступени», «широкая промежуточная зона, где выбор решения неочевиден» [Зализняк 2003: 733].

Для передачи имён собственных, включающих в свой состав слова, употребляемые в языке и как имена нарицательные (случай «массового перевода» в терминологии В. П. Беркова), важно отношение к правилам лексического соответствия слов двух языков, на основе которого противопоставляется регулярный и нерегулярный массовый перевод (ср. «*Nāves ēnā*» — «*В тeни смерти*», «*Voīna u mir*» — «*Karš un miers*», с одной стороны, и «*Sprīdītis*» — «*Мальчик с пальчик*», «*Gope om uma*» — «*Gudra cilvēka nelaimē*» с другой). Своеобразной промежуточной ступенью между регулярным и нерегулярным переводом имени собственного является ситуация, когда в системе языка имеется более одного регулярного лексического соответствия и выбор в конкретном случае определяет лишь традиция (ср. «*Skumjais detektīvs*» — «*Печальный детектив*», но «*Skumjais optimisms*» — «*Грустный оптимизм*»; «*Ilgais ceļš kāpās*» — «*Долгая дорога (*долгий путь?) в дюнах*»).

¹ О принципиальной возможности толковых словарей имён собственных см. также статью О. Бушса [2002]. Имена собственные (и чрезвычайно содержательный очерк соответствующей проблематики) включены в последнее издание «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка [2003].

² Целесообразно изложение в словаре правил регулярной передачи имён собственных, так как «наличие авторитетного и, главное, общедоступного руководства по транскрибированию будет препятствовать той кустарной самодеятельности в передаче иноязычных имён, которая, как широко известно, приносит много вреда» [Берков 1973: 102].

Отбор включаемых в двуязычный словарь имён собственных определяется основной задачей — показать, какие традиционные, наиболее распространённые эквиваленты им соответствуют в другом языке. Представляется, что в словарь следует включать в первую очередь те имена собственные, передача которых отклоняется от стандартных закономерностей, и знание её необходимо для поиска соответствующей справки в национальном энциклопедическом словаре (ср., однако, [Берков 1973: 101])³. Как правило, наиболее распространённые имена собственные и оказываются теми, которые имеют некоторые отклонения от регулярной звукопередачи, таким образом, предлагаемый критерий не вступает в противоречие с естественным стремлением отражать в двуязычном словаре лишь те имена собственные, которые известны большинству носителей соответствующего языка (ср. [Берков 1973: 107; Зализняк 2003: 731, 732])⁴.

Следует отметить, что двуязычный словарь из-за большого разнообразия выполняемых им задач часто оказывается как бы зеркалом современного состояния описаний конкретных языков. Автор двуязычного словаря нередко вынужден заниматься исследованием таких областей лингвистики, которые не входят в сферу его непосредственной компетенции. Так, оценка общего культурного фонда и актуальности тех или иных имён собственных скорее является задачей авторов специальных словарей топонимов, антропонимов и др. и специалистов по лингвострановедению. Для латышского языка до сих пор не созданы справочники по произношению личных имён и фамилий (произношение букв *e*, *ē*, *o*, слоговые акценты). Отдельной интересной проблемой является распространённая постановка ударения не на первом слоге в русских эквивалентах латышских имён собственных, напр.: *Лиенāя*, *Даугāва*, *Эндзелīн*. Именно такое произношение надо считать нормативным в русском языке, а более близкие оригиналу варианты *Лиеная*, *Даугава*, *Эндзелин* следует рассматривать как профессионализмы (ср. [Берков 1996: 55–56; Зализняк 2003: 732–734]). Специальные исследования могли бы быть посвящены грамматическим особенностям имён собственных (ср. только антропонимами представленные типы склонения *Klints*, *Klītim* (мужская фамилия) или *Markus*, *Markui* (женская фамилия) [Personvārdi 26, 23]), ср. [Зализняк 2003: 731–740].

Представляется, что основные вопросы отражения имён собственных в двуязычном словаре в современной лексикографии осознанны и проанализированы, насущной задачей является переход к непосредственной работе над такими словарями.

Литература

- Берков 1973 — В. П. Берков. Вопросы двуязычной лексикографии: (Словник). Ленинград.
Берков 1987; 1994 — В. П. Берков. Русско-норвежский словарь. Москва; 2-е изд., доп. — Oslo.
Берков 1996 — В. П. Берков. Двуязычная лексикография. Санкт-Петербург.
Buss 2002 — O. Bušs. Par īpašvārdu skaidrojošās vārdnīcas iespējamību. // *Linguistica Lettica* 10. Rīga. — 117.–123. lpp.
Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. (4-е изд., испр. и доп.) Москва.
Personvārdi — Par vārdu un uzvārdu lietošanu un rakstību latviešu literārajā valodā. Rīga.
Ступин 1967 — Л. П. Ступин. Необходимы двуязычные словари имён собственных. // Тетради переводчика. Вып. 4. Москва. — стр. 55–62.
Щерба 1974 — Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград. — стр. 265–304.

³ Важно, что количество таких нерегулярных соответствий, по-видимому, конечно, то есть в принципе можно надеяться — если не в двуязычном, то в специальном словаре — представить их все.

⁴ Напомним, что ориентация на традиционный культурный фонд определяет необходимость включения в словарь и устаревших, ныне не использующихся названий (*Inflantija*, *Малороссия*).

Александр Евгеньевич Аникин (Новосибирск)

К проблеме диффузии балтизмов в славянских языках*

В. Н. Топоров указал на необходимость считаться с полицентрическим (из разных балтийских языков и/или мультилокальным) усвоением балтизмов в славянские диалекты как более реальным явлением, нежели моноцентрическое усвоение с последующей диффузией заимствования в славянской языковой среде (Топоров 1995: 47). Разделяя этот тезис, стоит обратить внимание на еще одну возможность распространения балтизмов.

Др.-новг. *намь* ‘лихва, процент’ бесспорно связано с лит. *nióta*, лтш. *niõta* ‘наем, аренда’, далее к лтш. *ņemt (nemt)* ‘брать’ и др. (Зализняк 1986: 166). Трактовке *намь* как древнего балтизма (ср. ливск. *niõt*, эст. *niit* ‘наем’ < балт.), более предпочтительной, нежели реконструкция на его основе праслав. диал. **namь* (ср. ЭССЯ 22: 193–194), противоречит обычная передача вост.-балт. *uo* (< балт. **õ*) как рус. *у* или *о*, ср. рус. *клúня* ‘рига, молотильный сарай’ < балт., ср. лит. *klúonas* (СБ: 13). Ожидалось бы рус. **нум* или **ном*. Не теряя из вида отмеченной А.А.Зализняком теоретической допустимости заимствования *намь* из вост.-балт. **nõtas* до перехода *uo* < *õ*, можно допустить также, что *намь* происходит из источника без дифтонгизации *õ*, т. е. западно-балтийского.

Такое объяснение естественно соотнести с тем, что, согласно мнению ряда авторитетных лингвистов и археологов, заселение Псковщины и Новгородчины осуществлялось из Южной Прибалтики и прилегающих земель. Балтизмы псковско-новгородского региона могут иметь не только восточно-балтийское (особенно латгальское), но и западно-балтийское происхождение, будучи занесены на Северо-Запад Руси в результате миграции славян (кривичей) с более западных территорий.

В данном контексте уместно обратиться также к рус. новг. *марь* ‘болотистое место’, ‘насыпь или бугор’ (НОС 5: 72), арханг., волог. *марь* ‘болотистое место’ (КСГРС), Кириши *марь* ‘завал в лесу’ (КС 3: 200), (в Сибири, на Дальнем Востоке и в литературном языке) *марь* ‘болотистое место в тайге, поросшее кустарником или отдельными деревьями’. Данная лексема, получившая распространение в ходе новгородской (севернорусской) колонизации Севера и Сибири, по-видимому, справедливо не включена в число продолжений праслав. **marь* ‘жара, туман’ (ЭССЯ 17: 218). Реконструкция праслав. **mar-* ‘болотистое место’ предполагала бы близость этой лексемы к германским соответствиям с долгим корневым вокализмом, ср. др.-в.-нем. *tuor* ‘болото’ < герм. **mōra-* при кратком вокализме в рус. *мо́ре* и др. (ЭССЯ 19: 229). Однако рус. *марь* ‘болотистое место’ как будто не находит апеллятивных славянских соответствий, которые поддерживали бы реконструкцию праслав. **mar-* в таком значении. Быть может, и в этом случае речь идет о заимствовании с каким-то «западным» локусом (герм.? зап.-балт.?). В любом случае рус. *марь* претендует на роль параллели рус. *мо́ре* и связанных с ним балтийских и т. п. слов.

Литература

- Зализняк 1986 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
КС — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–4. СПб., 1994–1999.
КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (УрГУ, г. Екатеринбург).

* Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 02-04-00152а.

НОС — Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

СБ — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

Топоров 1995 — Топоров В. Н. О балто-славянской диалектологии (несколько соображений) // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна. М., 1995.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–28. М., 1972–2002.

Romualdas J. Apanavičius (Vilnius)

Lie. *šiēnas*, rus. *сено*, suom. *heinä* — ide. **kei-* ‘gulėti’

Turime lie. *šiēnas*, latv. *siens*, s. sl. *sěno*, rus. *сено*, serb.-ch. *sijeno*, s. ček. *sěno*, taip pat baltizmus suom. *heinä*, est. *hein* ir piet. est. *hain*, sam. *suoid'ne* (Stang Vergl Gr 54), pagal kuriuos rekonstruotina praforma balt.(-sl.) **šeina / śaina* (neutr.), sudaryta iš šaknies (su apofonija) **še-* / *śai-* ir priesagos *-na-* (darybos tipą plg. su lie. *bėrnas*, latv. *bērns* (< ide. **bher-* ‘nešti’ (s. gr. *φέρω*, got. *bairan*) + *-no-*), lie. *pienas*, latv. *piēns* : lie. *pýti* ‘šlapti; pradėti duoti pieną’; Skardžius ŽD 217). Dalis finougrų baltizmų rodo šaknies **-ei-* refleksą, kita dalis (piet. est. ir sam.) bei slavų duomenys — **-ai-* refleksą, o tai leidžia spėti, kad skolinimo finams metu (manoma, apie 2000 m. pr. Kr.) baltų(-praslavų) dialektuose galėjo egzistuoti pramaišiu abu dubletai.

Tradiciškai (Persson BB 19, 257 („Über die wurzel... möchte ich nichts entscheiden — Apie šaknį... negalėčiau / nenorėčiau nieko spręsti“), o pagal jį ir Būga RR II 170, Trautmann BSW 297, Pokorny 610, Fraenkel LEW 980) lie. *šienas*, s. sl. *sěno* gretinama su s. gr. *κοινά* ‘χόρτος; žolė’ (< **koi-no-*, turbūt pl. neutr.) ir siejama su spalvos semantika (Karulis II 177). Šiame pranešime norima iškelti hipotezę, jog balt.(-sl.) **šeina / śaina* susiję su ide. **kei-* ‘gulėti’.

Ide. **kei-* paliudyta het. *kitta(ri)*, skr. *śeté*, s. gr. *κεῖται* ‘guli’, bret. *(d)argud* (< **-are-koito-*) ‘lengvas miegas’, taip pat priesagų *-m-* (got. *haims* ‘namai’, s. air. *cōim* ‘mielas’, lie. *šeimà*, latv. *sàime*, rus. *семья*, lie. *káimas*, *kiēmas*, latv. *ciems*, pr. *caymis* > baltizmai suom. *heimo* ‘šeima’, suom. *kaima* ‘bendravardis’, est. *kaim* ‘giminaitis’) ir *-v-* (skr. *śevah* ‘mielas’, lot. *cīvis* ‘pilietis’, got. *heiwa-frauja* ‘namų viešpats’, s. v. a. *hīwa* ‘ponia, sutuoktinė’, latv. *siēva* ‘moteris’) vediniuose (Pokorny 610).

Šaknies **kei-* ir (balt.-sl. dial.) **še-* vedinių baltų kalbose (*šieno* neminėdamas) etimologiją nagrinėja Mažiulis PKEŽ II 76-80 (s. v. *caymis*).

Siekiant pagrįsti minėtą hipotezę, bandoma pasiremti atitinkamais baltų ir germanų kalbų duomenimis. Turimi lie. *šiēkštas* ‘vandenyje gulintis medis, krūmas’, la. *siēksta* (< **še-sta-*), taip pat lie. *kīnis*, *kiēnis* ‘kiaulių guolis, migis’, turbūt lie. *širtas*, *širtva* ‘gyvūnų guolis, irštva’, sudaryti iš **še-* / *śi-* ir **kei-* / *ki-* ‘gulėti’.

Vok. *Heu*, angl. *hay* ‘šienas’, vok. *heuen*, angl. *hew* ‘pjauti šieną’ rodo rekonstruojamą germ. **kau-ī/ū-o-* < **kau-* ‘kirsti’. (Baltų kalbose šienas *pjaunamas*, o *kertami* rugiai.) Lyginant artimų geografinių arealų — germanų ir baltų(-slavų) — realijų (šieno pavadinimų) darybą galima teigti esant semantinę paralelę: vienur (germanų) pavadinimas sudarytas nuo šaknies ‘kirsti’ ir reiškė ‘kertamas, nukirstas’, kitur (baltų(-slavų)) — nuo šaknies ‘gulėti’ ir reiškė ‘gulintis’ (t. y. ‘nukirstas’).

Apibendrinant manytina, kad balt.(-sl.) **šeina / śaina* ‘šienas’ pačiais seniausiais baltų dialektų laikais (iki kontaktų su finougrais laikais apie 2000 m. pr. Kr.) buvo išvestas specifine konkrečia reikšme ‘šienas’ iš tuo metu gyvavusio baltų veiksmazodžio ‘gulėti’

(rekonstruojamos abstrakčios reikšmės) ir per ilgą laiką išlaikė tą reikšmę nepakitusią, kartu su kitais šaknies ide. **kei-* ‘gulėti’ vediniais rodydamas baltų kentuminę-sateminę bei **ei/ai* > *ie* problematiką.

Лаймуте Балоде (Рига — Хельсинки)

Проблемы этимологизации топонимов одной волости Латвии (Лаши)

Для геолингвистического анализа топонимов выбрана одна волость Латвии, находящаяся на стыке нескольких языков и культур. Лашинская волость (лтш. *Lašu pagasts*, ныне *Eglaines pagasts*) находится около самой границы с Литвой, неподалёку от Белоруссии. Исторически здесь сплелись латышский, литовский, немецкий, польский, русский, белорусский языки. Волость была выбрана и потому, что в разные исторические периоды здесь записан довольно обширный топонимический материал (данные 1811, 1826, 1850, 1858 годов, сборники Яниса Эндзелина и Юриса Плакиса [Endzelīns 1925, Plāķis 1939], экспедиция 1979 года), более 1000 топонимических единиц.

Большинство топонимов волости — это названия латышского (или балтийского) происхождения с более или менее ясной семантикой: ойконимы *Aldari*, *Blusiņi*, *Maizītes*, *Strazde*, *Zvirbuļi*, названия лугов *Elkšņu plava*, *Garuo pļava*, *Puķine*. Не обошла Лаши и волна „латышизации“ имён собственных в начале XX века: было создано немало таких искусственных композитов как *Darbmīli*, *Druošvari*, *Labvēļi*, *Laimziedi*, *Saulguoži*, *Viesmīli* etc.

Вторая большая группа топонимов — это славянизмы: ойконимы *Červonka* < пол. *czzerwony*, *czerwonka*, *Basaki* < русс. *босяк*, *Lapci* // *Laptes* < русс. *ланоть*, *Sasnauka* < русс. *сосна*. Особенно выделяются отантропонимические славянизмы: *Aleksandrauka*, *Bagdanauka*, *Ivanauka*, *Maksimauka*, *Nikalinka*, *Vitkuškas*. Нередко встречаются и топонимические гибриды: балтийский корень + славянский суффикс или наоборот: *Plentauka*, *Strazdauka*, *Pažarine*.

Третья группа ясно выделяющихся заимствований — это литуанизмы (около 40): *Dideliški*, *Dirvēni* // *Dirvāni* // *Dervāni*, *Dumblines kruogs*, *Kuniga pļava*, *Rudlapes*. И здесь довольно чётко выделяются топонимы, образованные от литовских антропонимов: *Daratene* // *Daratine*, *Petronel*, *Keistuti*; *Barkauskis*, *Ģirču mežs*.

Хронологически один из сравнительно старых слоёв топонимов — германизмы (около 30): *Grīntāļi* // *Grinteļi*, *Kirhenkruogs*, *Lustberga*, *Neigūte*, *Neizorģe*, *Štemburga* // *Šteinburga*. Большинство этих названий обозначают бывшие поместья. Часто эти названия связаны с немецкими фамилиями.

В Лаши зарегистрирован и такой забавный пример, как название тропинки *Spacirnais* < нем. *spazieren* + слав. суффикс *-ный*, которое трансформировано в латышское окончание имени прилагательного *-ais*.

Очень много проблематичных, этимологически неясных топонимов: *Barsukine* < (?) лит. *barsukas* или русс. *барсук*, *Gribouka* < (?) лит. *grybas* или русс. *гриб*, *Ģeķeļi* < (?) лтш. *ģeķis* или русс. *дятел*.

Велико количество топонимов, происхождение которых является ещё менее определённым. Например, лимноним *Endenes ezers* (вслед за Я. Эндзелином Lvv I 273) возможно сравнить с лтш. топонимом *Andeņi* и с лит. *Anduliai*. Ойконим *Lesiņi*

Я. Эндзелин (Lvv II 300) также сопоставляет с лит. *Lesinpievė*, но возможно, что это название (как и неясный ойконим *Łacka // Łacki*) отантропонимического происхождения. Единичный топоним *Nemirska*, зарегистрированный в Лаши, в Lvv оставлен без этимологии; < (?) лтш. *nemirt*, лит. *nemirti* или это отантропонимический дериват. Вероятно, что с антропонимом связан и ойконим *Olgina*.

Целый ряд Лашинских топонимов пока остаётся без высказанных этимологических гипотез: *Čuviki, Garlamiškas // Garlaniškas, Malmiša, Šedere, Tatjūniņi* etc.

Agnė Bielinskienė (Kaunas)

Lietuviškų pravardžių su formantu *-utis, -ė* struktūra

Lietuvių pravardės struktūriškai dar labai mažai tyrinėtos. Analizuoti pravardės struktūriškai svarbu dėl to, kad struktūrinė pravardžių analizė leidžia pažvelgti, kokios struktūros apeliatyvai parenkami pravardėms sukurti, ir kartu atliekama darybinė apeliatyvų analizė.

Medžiaga darbui buvo rinkta iš A. Butkaus „Lietuvių pravardžių“ žodyno (Butkus A. Lietuvių pravardės. Kaunas, 1995). Rasta 250 pravardžių su šia priesaga.

Struktūrinės analizės, o kartu ir šio pranešimo tikslas — išanalizuoti pravardžių ir jų apeliatyvų struktūrą, pasidomėti, kokie apeliatyvai pasirenkami pravardėms kurti ir ką jie žymi.

Apeliatyvo sąvoka kiek problemiška: ar visada jis žymi bendrinės kalbos žodį, o gal apeliatyvu nusakoma sąvoka neegzistuoja, yra tik dirbtina. Vieni pravardžių apeliatyvai lietuvių kalboje egzistuoja, jie fiksuojami žodynuose (pvz., *Saulūtė* (: *saulė*)), kiti — užfiksuoti tik nagrinėjant pravardes (pvz., *Kepurūtis* (: *kepuris* : *kepurė*)). Vadinasi, pravardės papildo iki šiol užrašytą bendrinę lietuvių kalbos leksiką.

Patroniminės pravardės šiuo požiūriu skiriasi. Neretai kai kurios iš jų turi pamatinį žodį, atėjusį iš bendrinės kalbos leksikos, pvz., *Vanagūtė* (: *Vanagas*), *Vilkiūtė* (: *Vilkas*), tik jie gauti ne tiesiogiai iš bendrinės kalbos, o iš asmenvardžio paveldėjimo būdu.

Dauguma pravardžių yra pirminės, t. y. „kilusios iš atitinkamų onimų, kurie perkelti į onomastinį lygmenį be struktūrinių pakeitimų“ (Butkus, 1995: 33) Vienių pravardžių apeliatyvas darybiškai neskaidomas (16 pavyzdžių): pvz., *Gegūtė, Kęstūtis, Gurgūtis* (‘kankorėžis’) ir kt. Didžiąją dalį (236 pavyzdžiai) sudaro pravardės, kurių apeliatyvai skaidomi. Jie sudaryti iš pamatinio žodžio su priesaga *-utis, -ė*, pvz., *Raibūtė* (: *raiba*), *Cibūtė* (: *cibė* ‘ožka’). Visos kitos pravardės (42 %) yra derivacinės. Pravardė padaryta iš tikrinio žodžio, dažniausiai vardo, pravardės ar pavardės, ir skiriasi nuo jo struktūriškai. Vienos jų sudarytos su priesaga *-utis, -ė*: *Vanagūtė* (: *Vanagas*), *Buržakūtė* (: *Buržakas*), *Jurgūtis* (: *Jurgis*). Kitos pravardės šiek tiek modifikuojamos: patrupinamos, išleidžiami garsai ar net ištisi skiemenys, pvz.: *Barkūtė* (: *Barka* : *Baranauskas*), *Morkūtė* (: *Morka* : *Morkevičius*), *Zalūtė* (: *Zala* : *Žalutė* ‘toks karvės vardas’).

Pravardės su šia priesaga žymi ne tik mažumą, patrauklumą arba malonumą, bet, skirtingai nuo bendrinės kalbos vedinių, ir patroniminius santykius, t. y. rodo priklausymą tai giminei. Tai onomastinė priesaga.

Pravardžių daiktavardiniai apeliatyvai dažniausiai žymi asmenvardžius (58 %). Daugiausia pravardžių kilusios iš tėvo vardo, pavardės ar pravardės, t. y. patroniminės (*Andriuškūtė* (: *Andriuška* : *Andrius*), rečiau matroniminės (*Karolkūtė* (: *Karolka* : *Karolina*)). Moteriškosios giminės pravardė nebūtinai žymi moteriškąją lytį, pvz., *Buriūtė* (: *burė* ‘avis’) — nuolankus, bailus vyras. Apeliatyvai taip pat žymi gyvūnus (*Meškūtė* (: *meška*)), įvairius

asmeņu pavadinumus (*Kūmūtē* (: *kūma*)), augalus ir jų dalis (*Morkūtē* (: *morka*)), kiek rečiau — namų apyvokos daiktus (*Bačkūtē* (: *bačka* ‘statinė’)), valgius (*Spirgūtis* (: *spirgas*)), kūno dalis (*Širdūtē* (: *širdis*)), abstrakčius dalykus (*Bėdūtē* (: *bėda*)), dangaus kūnus (*Saulūtē* (: *saulė*)), drabužių pavadinimus (*Kepurūtis* (: *kepurė*)). Būdvardiniai apeliatyvai žymi fizines (*Plikūtis* (: *plikas*)) ir būdo ypatybes (*Linksmūtis* (: *linksmas*)). Veiksmožodinės bei išiktukinės kilmės — būdą (*Plepūtē* (: *plepėti*)), kalbėseną (*Titiūtē* (: *titiuoti* ‘švepluoti’)), veiksmus (*Žiūrūtis* (: *žiūrėti*)), eiseną (*Krypūtē* (: *krypuoti*)). Pravardės iš semantiškai nemotyvuotų žodžių ir žodžių junginių padaromos iš kreipinių ir pertarų (*Dagžūtē* (: *dagže* ‘toks pertaras’)). Rasta ir sudėtinių pravardžių (*Aniūtē Bepirštėlē* (: *Anė*) (: *bepirštė*)).

Ištyrus pravardžių struktūrą, nustatytos septynios priesagos *-utis*, *-ė* darybinės reikšmės: vardažodinės ir veiksmožodinės ypatybės turėtojų, veiksmo rezultato pavadinimai, asmeņu pavadinimai pagal kilmę ir priklausymą, pertarinę ypatybę, vartojamą kreipinį, sveikinimosi būdą (pastarosios trys būdingos tik pravardėms).

Aina Blinkena (Rīga)

Adektīvu afiksācijas problēmas

Valodas vārdu krājums paplašinās, galvenokārt izmantojot afiksāciju, mazāk salikteņu veidošanu un vārdu aizgūšanu no citām valodām. Pētnieka interesi visvairāk var saistīt tieši afiksācija, jo te izvirzās visvairāk problēmu – vārddarināšanas modeļa izvēle, afiksa izvēle atkarībā no atvasinājuma semantiskās atbilstības, stilistiskās iederības, arī izvēle starp afiksāciju un nullafiksāciju resp. konversiju.

Referāts pievēršas dažiem adektīvu darināšanas jautājumiem, kas joprojām ir aktuāli latviešu literārajā valodā.

Latviešu valodas adektīvu pamatā visbiežāk ir verba vai substantīva sakne, kam var pievienot tikai galotni (*dob-t – dob-s*; *liet-a – liet-s*), kādu sufiksu un galotni (*dob-j-š*, *liet-išķ-s*) vai arī galotni, sufiksu un prefiksu (*pa-dob-j-š*, *ne-liet-īg-s*), turklāt iespējama arī saknes skaņu mija (*cel-t*, *cēl-s*, *cil-d-en-s*, *iz-cil-s*). Adektīvu afiksācijas galvenie tipi un modeļi ir fiksēti gramatikās un citos normatīvajos pētījumos, taču ir gadījumi, kad normas nav konsekventas un paralēli pastāv gan sistēmiskie, gan antisistēmiskie varianti. Daži piemēri:

Noturīgi ir semantiski pretrunīgi denominālie atvasinājumi ar sufiksu *-ain-* un prefiksu *bez-* (*bez-galv-ain-s*, *bez-kļūd-ain-s*), jo sufikss *-ain-* norāda, ka tas, ko nosauc pamatvārds, kādam priekšmetam piemīt vairumā, bet prefikss *bez-* piemītību noliedz. Mazāk aktīvi ir semantiski pamatotie atvasinājumi, kā *bezgalvas-* vai *bezspārnu-* vai cita veida atvasinājumi (*ne-kļūd-īg-s*).

Pretēji teorētiski pamatotiem ieteikumiem joprojām savstarpēji konkurē darinājumi ar sufiksiem *-īg-* un *-ēj-*, neievērojot semantiskās atšķirības (*kop-īg-s / kop-ēj-s*, *vispār-īg-s / vispār-ēj-s*), kā arī darinājumi ar *-īg-* un *-isk-* (*dab-īg-s / dab-isk-s*, *person-īg-s / person-isk-s*).

Grūtāk definējami ir gadījumi, kad praksē jāizšķiras starp sufiksālu un nullsufiksālu adektīvu, īpaši tad, ja iespējams konsonantiskais sufikss (*bai-s-s / bai-sm-s*, *bai-sm-īg-s / bai-l-s / bai-l-īg-s*; *īpat-n-s / īpat-n-ēj-s* u. c.), kur ir nelielas semantiskās un stilistiskās nianšes.

Jaunākajā laikā aktualizējas adektīvu darināšanas problēmas no citvalodu aizguvumiem, īpaši no substantīviem. Lielākā daļa internacionālo adektīvu ienākuši ar konversiju, t. i., substantīvam identiskā formā (*analogs*, *ideāls*, *kolorīts*), tomēr šāds

konversijas modelis ne vienmēr pieņemams un tiek darināti adjektīvi ar internacionāliem vai latviskiem sufiksiem (*nācija / nacionāls, stacija / stacionārs, anekdote / anekdotisks*). Pret hibrīdvārdu veidošanu ar internacionāliem un nacionāliem elementiem ir bijuši iebildumi no valodas kultūras kopēju puses.

Daļa vēsturiski veidojušos adjektīvu atvasinājumu ar konsonantiskiem afiksiem tik cieši piesaistījušies vārda saknei vai pat saplūduši ar to, ka mūsdienu gramatikās tos vairs neuztver kā vārdarināšanas elementu (*dižs, plašs, straujš, krietns, lepns*). Etimoloģijas pētījumos šādu sufiksu analīze ir nepieciešama.

Оярс Бушс (Рига)

Некоторые латышские этимологии, преимущественно на топонимическом фоне

Среди современных лингвистов время от времени актуализируется мнение, что диахроническая лингвистика вообще и исследования этимологии в частности вышли из моды. Рациональной причиной появления такого отношения можно признать как то, что решение некоторых других современных задач языкознания, несомненно, способно оказать гораздо более непосредственное влияние на актуальности повседневной жизни, так и то, что ядро словарного запаса большинства европейских языков в этимологическом отношении действительно уже неплохо исследовано (что, правда, не мешает время от времени пересматривать уже, казалось бы, устоявшиеся этимологические толкования отдельных слов). Тем не менее, этимология, будучи фундаментальной отраслью лингвистики, как и любая фундаментальная наука, не имеет предела для совершенствования. Что же касается латышского языкознания, то 1) этимологизации требует большое количество слов из периферийных систем (диалектизмы, сленгизмы и др.); 2) многие существующие этимологии могут быть дополнены новыми нюансами благодаря привлечению нового — в том числе и топонимического — материала; 3) требует решения ряд спорных вопросов (например, о балтийском или финно-угорском происхождении некоторых слов, тематически связанных с мореходством); 4) необходим пересмотр некоторых традиционных представлений.

Примеры диалектизмов, нуждающихся в этимологизации, можно найти в любой монографии, посвящённой диалектной лексике. В качестве небольшого, но наглядного образца пусть послужит название большого шерстяного наплечного платка (фабричного производства) *mardavainis* (см. Jansone 2003). Слово это крайне периферийное, известно лишь из вецпиебалгского говора по фиксации в ЕН (I, 784). И. Янсоне вполне обосновано отвергает сопоставление с нем. *Marder* 'куница' — куний мех, правда, использовался в Германии для некоторых женских головных уборов (ср. нем. *Marderhaube*), однако никак не ассоциируется с шерстяным наплечным платком. Существует и другой фонетический вариант рассматриваемого диалектизма (из того же говора) — *marnavainis*, также зафиксированный в ЕН I, 784, и, кроме того, подтверждённый записанным в диалектологической экспедиции толкованием, из которого узнаём также, что это красивый платок, украшенный цветочным орнаментом. Именно последнее обстоятельство заставляет обратить внимание на некоторые диалектные названия полевых цветов — *maruonas*, *marenes* и более известное *maranas* (и литературное *madaras*), а также на глагол *madaruot*, вариант *maranuot* 'вышивать'

(см. ME II, 547). Исследователи этимологии (В. Томсен, Я. Эндзелин, М. Фасмер, В. Зепс) высказывали предположения о заимствовании этих названий из германских, финно-угорских, славянских языков. Представляется, что тут вполне вероятно перекрещение нескольких импульсов, но, независимо от результатов распутывания этого этимологического узла, название платка *mardarainis, marnavainis*, по-видимому, относится сюда же (как нередко бывает у слов узкого распространения, на фонетический облик определённое влияние оказала и контаминация). Однако некоторое право на жизнь имеет и другая гипотеза — о возможной связи названия платка с обозначением материала типа шерсти (этим типом могла бы быть шерсть меринских овец, нем. *Merinowolle* — тем более что в монографии И. Янсоне описаны некоторые другие названия платков — *mirene, mirma, mirmine, mirnava*, чья этимология, по всей вероятности, связана с данным обозначением рода шерсти).

Другой любопытный этимологический узел оказывается связан с происхождением диалектизма *vīsla* ‘мелкий дождь’ (см. Laumane 2002), Дополнительные нюансы этимологизации придаёт привлечение топонимического материала, который не только чуть дополняет ареал именно данной формы, локализованной в северозападной Курземе, но и позволяет учитывать также вариант с (вставным?) *-k-* — *vīksla*, отражённый в топонимах, сосредоточенных вокруг Тукумса, и тем самым даёт возможность, например, зафиксировать любопытную параллель с потамонимом *Wīsla*, нем. *Weichsel*.

Большое количество топонимов Латвии можно учесть при анализе этимологии слова *žagars*. Я. Эндзелин считал это слово литуанизмом наряду с *žagata, žagas* из-за *ž-* вместо предполагаемого в унаследованном слове *z-* (ME IV, 785–786). К. Карулис же допускает возможность автохтонного развития этого *ž-* (LEV II, 574–575). Обильность и разноплановость латышских топонимов с *Žagar-* позволяет отдать предпочтение гипотезе К. Карулиса. Это в свою очередь означает, что следует хотя бы отчасти пересмотреть также одно из устоявшихся положений исторической фонетики латышского языка.

Литература

- Jansone 2003 — Ilga Jansone. Galvas segas un plecu segas Latvijā: lingvistiskais aspekts. (Monogrāfijas manuskripts.)
Laumane 2002 — Benita Laumane. *Smalks lietus; smidzināt.* // *Linguistica Lettica*. 11. Rīga. (Nodots publicēšanai.)

Lembit Vaba (Tampere)

Latviešu uzvārdi Igaunijas uzvārdu sarakstā un latviešu-igauņu kontakti

Referātā tiek iztīrītas šādas problēmas:

- (1) Igaunijas uzvārdu sarakstā esošo latviešu cilmes uzvārdu apzināšanas lingvistiskas un ekstralingvistiskas iespējas;
- (2) latviešu uzvārdu grafiskais veidojums; vecās un jaunās rakstības atspoguļojums latviešu cilmes uzvārdos; diakritisko zīmju liktenis latviešu uzvārdos; ar austrumslāvu valodu starpniecību pārņemtu latviešu cilmes uzvārdu rakstība;
- (3) latviešu uzvārdu dzimtes apzīmētāju liktenis; dzimtes neitralizēšana;
- (4) latviešu cilmes uzvārdu galvenie modeļi igauņu uzvārdu sistēmā; uzvārdi ar izskaņām (a) *-in, -en, -ōn, -ing, -ins, -ings, -inš, -insh, -ina, -ōna, -inja, -ōnja*; (b) *-iht, -it, -itis, -its,*

(c) *-el, -elis, -els*, (d) *-ul, -ulis, -uls*; (e) *-ens, -ans, -āns*; igauņu toponīmi ar izskaņām *-ina, -ini*, dienvidigauņu mikroetnonīmi ar pamazinājuma piedēkli *-kene*, igauņu uzvārdi ar izskaņām *-kene* un *-kese*.

Literatūra

- A. Bergmane, A. Blinkena. Latviešu rakstības attīstība. Latviešu literārās valodas vēstures pētījumi. Rīga, 1986.
- O. Bušs. Somijas uzvārdu saraksts baltu valodu pētnieka lasījumā. // Lietuvių kalbotyros klausimai XXXII. Baltu onomastikos tyrinėjimai. Vilnius, 1993. — p. 15–20.
- O. Bušs. Katsaus latvialaisten sukunimiin. // Kielikello 1997, 2 — s. 31–32.
- M. Kallasmaa. Estnische Ortsnamen und andere Völker. // Linguistica Uralica XXXIII/4, 1997. — S. 284–292.
- J. Mägiste. [rets:] Uutta lätin kielen murteista. [K. Draviņš, V. Rūķe, Laute und Nominalformen der Mundart von Stenden 1–2. (Slaviska institutionen vid Lunds universitet, Slaviska och baltiska studier 2–3.), Lund 1955, 1956.] // Virittäjä, 1957, 2. vihko. — s. 218–220.
- J. Mägiste. Eesti perekonnanimedest. // Finsk-ugriska småskrifter. Utgivna av seminariet för finsk-ugriska språk vid Lunds Universitet 3. Lund, 1975. — p. 5–15.
- В. Э. Сталтмане. Латышская антропонимия. Фамилии. Москва, 1981.
- В. Сталтмане, Т. Качанова. О некоторых параллелях в латышской, литовской и эстонской антропонимии. // Baltu valodas senāk un tagad, Rīga, 1985. — с. 127–133.
- L. Vaba. Uurimusi läti-eesi keelesuhetest. Tallinn — Tampere, 1997.

Bernd Gliwa (Sargeliai)

On Lithuanian names for henbane ‘*Hyoscyamus niger* L.’

Most frequent names are based on the stem *drig-*: Lithuanian *juodoji drignė, drignis* (f.), *drigniažolė, drigniažolynis, drignys, drignius* and Latvian *driģenes, driģene, driģele*. *Drignė* etc. are compared to light effects Lith. *drignė, drignis* ‘halo; rainbow’, *drignis* etc. ‘cataract, blindness due to cataract’. The very basis of this lies in physiological chemistry. Consuming the plant or parts thereof will result in widening of the pupils with blinding effect (more light can pass through the pupil increasing the brightness). One experiences blurred light impressions without clear contours, which is similar to the soft outlines of a halo, rainbow or anything seen by cataractic eyes. Thus names related to light are to be expected and pendants OHG. *bilisa*, OS. *bilina*, Gal. *belinuntia*, Rus. *belena* should belong to I.-E. **bhel-* ‘white, light, bright’ as well. Baltic *drig-* and Sl. *bel-* are semantic equivalents as was shown recently by Karaliūnas discussing ethnonyms.

In fact there are different suggestions putting Germ. *Bilsenkraut* to I.-E. **bhel-* ‘swelling’ because of the ball-shaped fruit. An approach by ESSJ guess an initial meaning for the sounds produced by raving, mad, crazy or stupid persons.

Juodoji drignė is a translation of *Hyoscyamus niger* L. As there are no other species of the gender *Hyoscyamus* in the region, it has to be of artificial origin as terminological term.

Bleketas ‘*Hyoscyamus niger*’ may be of Sl. origin: Blr. *blėkat* ‘id.’ which is related to Sl. **blekotь* ‘crying, bubble, stotter’; the comparison with Lith. *bliktas* ‘streak of light’, *blyškėti* ‘shine’, *blizgėti* ‘shine, glitter’ would also fit and brought it to I.-E. **bhel-* ‘white, light, bright’ again.

As was discussed in a recent paper *duřnas* meant not ‘stupid’ but ‘drunken, high, ecstatic’ particularly in ritual or religious context and is, as the plant names *durnažolė, durnės, durnis*, of indigenous common Balt.-Sl. origin. Iwan *Durak* usually is the winning hero in fairy tales. Being in places (oven, cemetery) with a high density of ancestral spirits (according to folk believe) he attained a somewhat contemplative constitution, in contrary to

his materialistic brothers who are not involved with rituals. *Durak* is not stupid, he is religious and succeeds with the help of ancestors. Archeologic material outlines the use of psychopharmaca, among them henbane, in rites.

Miegažolė, miegālė corresponds to Germ. *Schlafkraut* etc. The names refer to its use in healing: small quantities may cause falling asleep.

Henbane may cause frenzy. This led to *pométropės*, with *pometis* ‘epilepsy’. Fraenkel suggest *drignė* being related with *drugys* ‘fever, shivers’, *drebėti* ‘quiver, tremble’ and argue with *dribinis* ‘henbane’. Generally the symptoms don’t agree with, but there could be exceptions. More evident seems *dribti* ‘fall down, overturn, tumble...’ instead of *drebėti* ‘quiver, tremble’.

Otherwise the singular *dribinis* could be made (from *drignis*?) according to the habit of the plant, the fruit’s cluster could be associated with *dribsnė* ‘cone, strobile...’.

Phytonyms have to be investigated together with a background of cultural anthropology and particularly pharmacology for officinal plants.

Ванда Пятровна Казанскене (Санкт-Петербург)

К ЭТИМОЛОГИИ ЛИТ. *žiedas, žiėdas* ‘кольцо’ и ‘чашечка цветка’

При словообразовательном анализе литовского *žiedas* обычно оба эти значения приводятся как нечто само по себе понятное и не требующее доказательства (Skardžius 1943: 29; Būga 1922: 307, и др.).

Этимологически данное слово сопоставляется с глаголами *pražýsti* ‘расцветать’, *žydėti* ‘цвести’, содержащими удлинённый гласный в первоначально нулевой ступени корня (К. Būga. *Rinktiniai raštai*. II. P. 373), и возводится к и.-е. корню *g’ēi-, *g’ī- ‘прорасти, раскалываться, расцветать’ (ср. IEW, s. v.). По мнению Ю. Покорного данный корень представлен в арм. *cił, ciul, cel* ‘стебель, соломина’, готск. *keinan* ‘прорасти’, д.-в.-н. *chinan* ‘лопаться, раскрываться’, нем. *Keil* ‘клин’, а также в лтш. *ziet, zeju* ‘расцветать, появляться’, *ziedēt, ziedu* ‘цвету’ и рассматриваемое лит. *žiedas* (IEW: 355–356). К этому мнению присоединяется и Э. Френкель (LEW: 1305).

Эта этимология, вполне убедительная с точки зрения фонетического развития слова, на наш взгляд, требует пересмотра словообразовательного значения и пересмотра лексической семантики всей группы сюда относящихся слов.

На самом деле в словаре литовского языка (LKŽ) наряду с определением ‘кольцо, перстень’ представлен целый ряд значений. Все разнообразные предметы объединяет их круглая форма, а сами они нередко выполняют защитную функцию: это металлические украшения, которые носят на шее, напёрсток, опускаемые в землю кольца колодца, защищающие глаза костяные кольца; как костяное кольцо определены и тазовые кости (анатомический термин), кольца других суставов, годовое кольцо на срезе дерева, кольца на рогах скота, по которым определяется их возраст, и даже пирог, который крёстные приносят на крестины (у латышей — свадебный пирог). Обращает на себя внимание тот факт, что значительной части перечисленных предметов цветение не свойственно.

Между тем К. Буга к слову *žiedas* относит и выражение *sužiedėjusi duona* ‘затвердевший (от старости) хлеб’, где причастие образовано от глагола *sužiedėti* ‘затвердеть’. Отметим, что простой глагол *žiedėti* (praes. *žiedi* и атематическое *žiesti*)

‘твердеть’ применяется не только для определения хлеба, но и для долго пролежавшего мёда, снега, цемента, отсылая к омонимичному с синхронной точки зрения глаголу *sužiesti*, имеющему значения ‘вылепить (из глины), сформировать, соединить’. Этот глагол относится к области гончарного дела и обработки металлов. Так, от глагола *žiēsti* (с огласовкой *-o-* в корне — *žaīsti*), который от *žiedėti* отличается только тоновым ударением, образованы такие имена как *žaīdas* и *žáidas* ‘открытый ящик для обжига, выложенный огнестойким кирпичом’, ‘место для разжигания огня’, ‘печка, сложенная из кирпича или камней’, *žiedà* ‘затвердевшая земля’ *žaīzdras* ‘устройство для калиения металла’, *žiēdàlas* ‘изделие из глины, форма’, *žiestùvas* ‘гончарный круг’, *židinỹs* ‘устройство в помещении для разведения открытого огня’, а также ‘крышка для такого устройства’, ‘очаг’, ‘центр образования и место скопления чего-либо’ и пр.

Таким образом, нам кажется предпочтительнее глагол *žiedėti* ‘твердеть’ и имя *žiedas* ‘кольцо’ (в том числе кольца, изготавливаемые из металла и цемента) отнести к глаголу *žiēsti*.

С другой стороны *žiedas*, *žiēdas* ‘чашечка цветка, цветок’ (вариант с той же огласовкой *žéidas*) хорошо засвидетельствован и с огласовкой корня *-o-* (*žaīdas*, *žáidas*) и полностью совпадает с выше рассмотренным именем. Учитывая противопоставление двух видов растений — голосемянных и покрытосемянных — и тот факт, что цветут только последние, причём семя их формируется в чашечке, можно предположить, что название содержит идею укрытия и защиты будущего семени цветка. Косвенным подтверждением этого соображения может служить следующее словоупотребление, сохранённое и в живом языке: *krauti žiedus* ‘складывать чашечку’, т. е. ее ‘образовывать’ применительно к цветущим деревьям и цветам и *krauti krosnį / židinį* (о постройке печки или очага). Это же словоупотребление встречается также и в фольклоре, как правило, ещё сохраняющем уже стёртые в разговорном языке ассоциативные связи; ср. *Putinėli, tu krovei žiedus terp medelių* ‘Калина, ты среди деревьев складывала (свое) соцветие’. Идея, что соцветие является покрытием, на наш взгляд, присутствует и в словах песни, записанной А. Юшкой: *Baltam grabe begulėsi, žemės žiedu bežydėsi* ‘Ты будешь только лежать в белом гробу и цвести земляным цветком’, ср. также загадку: *Akmėno — kojės, medžio — liemujo, rugio žiedas — kepurė* ‘Ноги из камня, торс из дерева, ржаной цветок вместо шапки’ (дом).

Из выше сказанного, на наш взгляд, можно сделать следующий вывод: с исторической точки зрения слова *žiedas*, *žiēdas* со значениями ‘кольцо’ и ‘чашечка цветка’, а также *žiesti* ‘лепить (из глины), формировать, соединять’, являются однокоренными, причём первое имеет результитивное значение (*nomen resultati*), а второе — скорее обозначает место действия (*nomen loci*). В ходе дальнейшей истории языка лексические значения разошлись столь сильно, что на синхронном уровне приходится говорить об омонимии корней.

Литература

Būga 1922 — K. Būga. Priedėlis etimologijos žodynui. // K. Būga. Kalba ir senovė. Kaunas.

Цит. по: K. Būga. Rinkiniai raštai. / Sudarė Z. Zinkevičius. T. II. Vilnius, 1959. — p. 293–332

Skardžius 1943 — P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius.

Цит. по: P. Skardžius. Rinkiniai raštai. / Parengė A. Rosinas. T. I. Vilnius, 1996.

IEW — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München, 1959–1969. Bd. 1–2.

LEW — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962–1965. Bd. 1–2.

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–2002.

Veiksmazodžio *trinti* kilmė

Nustatyti veiksmazodžio kilmę — tai ne tik ieškoti jam giminaičių kitose kalbose ir išsiaiškinti, kada ir kaip susiformavo veiksmazodinė šaknis, kokia žodžio semantikos raida. Analizuojant lietuvių šakninių veiksmazodžių kilmę, svarbu nustatyti ir tai, kaip tas ar kitas žodis įsijungė į jam struktūriškai ir semantiškai artimų žodžių sistemą ir kaip dėl to kito jo morfonologinė ir morfologinė sandara. Lietuvių (iš dalies ir latvių) šakniniams veiksmazodžiams labai būdinga sudaryti tam tikrus artimos struktūros ir semantikos būrius.

Todėl galima numatyti kelis etimologinės analizės etapus.

1. Pirmiausia turi būti išanalizuoti sinchronijos duomenys, iširta tarmių medžiaga.

Veiksmazodis *trinti* vartojamas visose lietuvių tarmėse, turi gana daug reikšmių (DŽ duomenimis 10, o LKŽ duomenimis net 38), iš kurių svarbiausios (kaip rodo lyginamoji medžiaga — ir seniausios) perstrukcinės ‘braukyti paviršiumi spaudžiant’ ir ‘smulkinti, grūsti’, kurios išlieka ir daugelyje priešdėlinių bei priesaginių vedinių. Naujesnėmis galima laikyti reikšmes, susijusias su biologiniais, psichiniais ar net socialiniais procesais (‘gardinti, uždaryti, kultti’, ‘graužti, kapoti’, ‘neduoti ramybės’ ir pan.). Ypač daug išvestinių reikšmių atsiranda, prisijungus sangražos dalelytei: ‘slampinėti’, ‘šiai taip gyventi, vargti’, ‘meilikauti’, ‘verstis, manytis’, ‘nesutikti, nesutarti’, net ‘smarkiai griežti, giedoti (apie paukščius)’.

Esamajame laike visose tarmėse *trinti* yra *a*-kamienis, būtajame — *é*-kamienis.

Tarp veiksmazodžio *trinti* formų yra kaitybinė balsių kaita: esamojo laiko šaknyje *i* (pietų žemaičių tarmėse ir *e*), būtojo laiko šaknyje *y*. Šaknies priegaidė tvirtapradė. Bendratyje taip pat nykstamasis balsių kaitos laipsnis (susidaro dvigarsis *in*).

Šaknis prasideda dviem priebalsiais, baigiasi priebalsiu *n*. Bendratyje ir iš jos padarytose formose, susidarius dvigarsiui, *in* likimas priklausė nuo po jo einančio priebalsio: prieš pučiamuosius priebalsius jis turėjo dėsningai virsti *i*. Didžioji tarmių dalis apibendrina dvigarsį *in*, tačiau pietinėse ir vakarinėse tarmėse (apie Vilkaviškį, Smln, Žeml, Rsn, Pžrl, PnmŽ, Azr, Jrb, Ktč) apibendrintas *i* (ppr. rašoma *y*).

2. Po to reikia nustatyti, kada žodis galėjo susiformuoti — ar veiksmazodinė šaknis atsirado lietuvių kalbos dirvoje, ar ją galima laikyti baltiška ar net indoeuropietiška. Tam ieškoma atitikmenų (ar jų vedinių) giminiškose kalbose.

Veiksmazodis *trinti* turi atitikmenų kitose baltų kalbose: visiškai ekvivalentiškas la. *trīt*, *trinu* (tarmėse ir *ia*-kamienis *triņu*), *trinu*, o prūsų *trinie* ‘grūmoja’ skiriasi ne tik esamojo laiko kamienu (*ia*-kamienis), bet ir semantika. Taigi veiksmazodinę šaknį galima laikyti bendrabaltiška — iš balt. **tren-/*trin-* ‘trinti’.

Tolimesnėse kalbose lygiaverčių struktūrinių atitikmenų nėra. Todėl daugelis tyrinėtojų šią baltišką šaknį kildina iš ide. **ter-* ‘trinti’, prie kurios prisijungė nosinis afiksas (vieni jį laiko sufiksu, kiti infiksu). Šios šaknies refleksai kitose kalbose: sl. **terti* (r. *mepemь*, le. *trzeć* ir kt.), gr. *τείρω* (iš **terjō*), *τί-την-μυ*, lo. *terō*, 3 ir kt. Tiesioginis šios šaknies tęsinys lietuvių kalboje yra *tirti*, *tiria*, *tyrė*; jo reikšmė gerokai nutolusi nuo senosios indoeuropietiškosios.

3. Kodėl tarmėse įvairuoja esamojo ir būtojo laiko šaknies balsiai, kokios kilmės yra šaknį išplečiantis elementas, galima atsakyti, tik sugretinus veiksmazodį *trinti* su kitais ‘panašaus likimo’ žodžiais. Veiksmazodis *trinti* priklauso būreliui *C(C)in-* tipo veiksmazodžių: *pinti*, *skinti*, *minti*, *ginti*, *tinti*, kurių sinchroniniai duomenys daugeliu atvejų sutampa su veiksmazodžio *trinti*, tačiau kilmė gana skirtinga.

Некоторые аспекты этимологии заимствованных слов

1. Этимология — область науки о языке, целиком относящаяся к ее диахроническому разделу. Поскольку этимология изучает происхождение слова, ее обычно относят к исторической лексикологии (ср. Шанский: 4–5), которая занимается историей слов с момента их возникновения в конкретном языке, отвечая на вопросы *когда?* и *как?*

2. Уделяя основное внимание функционированию слов в понятийной системе языка, лексикология не занимается анализом фонетических, словообразовательных, морфологических особенностей слов, оставляя это в ведении других разделов языкознания: фонетики, морфологии и др. Этимология же, выясняя происхождение слова, самым внимательнейшим образом анализирует не только семантику, но также фонетику, словообразовательные особенности, привлекая ещё и данные других наук: географии, этнографии, археологии, истории. Следовательно, этимология изучает происхождение слова и глубже, и шире, чем историческая лексикология.

3. В отличие от лексикологии, этимология, как правило, не замыкается на материале одного языка, особенно в тех случаях, когда анализу подлежит исконный или заимствованный характер слова и ведутся поиски ответа на вопрос, *откуда* (а не только *как и когда*) появилось в языке данное слово. Поскольку заимствование слов (нередко вместе с предметом, обозначаемым заимствованным словом) является результатом контактов между племенами, этносами, народами, происходивших в определённую эпоху и на определённой территории, результаты этимологических исследований важны не только для истории языка, но и для истории народа в целом.

4. В исследовательской практике глубина проникновения в иноязычный материал и объём привлекаемых экстралингвистических данных в значительной степени зависит от того, что исследователь понимает под заимствованным и исконным словом.

Некоторые лингвисты исконным считают всякое слово, которое возникло в языке или было унаследовано из более древнего языка-источника (для русского языка, например, таковыми могут быть древнерусский, общеславянский или индоевропейский), «независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит» (Шанский: 71). Согласно этой точке зрения, такие слова, как *маникюр*, *шоссе*, *форс* в русском языке будут считаться заимствованиями из французского языка, а производные от них *маникюрша*, *шоссейный*, *форсить* — уже исконно русскими словами, так как они образованы с помощью словообразовательных средств русского языка.

5. Такое понимание истории слова характерно именно для исторической лексикологии, но не для этимологии. С точки зрения этимологии основную, этимологическую информацию в слове несут не аффиксы, а корень (Откущиков: 8), и сколь бы глубоко слово ни проникало в новую, иноязычную среду, обрастая словообразовательными средствами заимствующего языка, суть его остается неизменной. А суть эта — в заимствованном корне. Что же касается слов, у которых одна часть заимствована, а другая исконная, то с этимологической точки зрения они являются гибридными образованиями, независимо от того, что в них является заимствованным: корень, суффикс или вся основа. Таким образом, правомерно в одном ряду гибридных балтизмов рассматривать и русск. диал. *скирдовать* ‘укладывать в

копну сено, солому и т. п.’, образованное от *skirda* ‘укладка сена, соломы, дров’ (из лит. *stirta* ‘стог сена’), и польск. диал. *ženiklis* ‘жених’, хотя последнее слово в литовском языке, в свою очередь, является гибридным славизмом, образованным с литовским суффиксом от славянского корня.

6. В процессе заимствования обмен словами чаще всего происходит между двумя языками, дающим и принимающим, но существуют и такие слова, которые переходят от языка к языку, становясь культурным достоянием трёх, четырёх и более языков, например: *алгебра*, *вино*, *космос*, *ракета*, *апельсин* и др. Много латинских слов в литовский язык попало через посредничество польского языка, а в русский — через тот же польский и греческий языки. В свою очередь, некоторые балтизмы в говоры русского языка проникли через прибалтийско-финские языки, становясь фактом истории не двух, а трёх языков. Для исторической лексикологии русского языка вполне достаточно констатации непосредственного источника заимствования, но для «зрящего в корень» этимолога истина лежит глубже — в языке, где исследуемое слово возникло изначально. Этимолог будет путешествовать вслед за корнем до самых истоков. Проследив исторический и географический путь корня или другой словообразующей части, этимолог восстанавливает историко-культурные процессы прошлого, этим в высшей степени актуализируя основную, коммуникативную функцию языка.

7. Широта охвата и разносторонность анализа материала не только заимствующего языка, но и языка — непосредственного источника заимствования — скорее всего, достоинство, а не недостаток этимологического исследования. Главное — чтобы в нём объективно отражалась и аргументированно анализировалась реальная картина межъязыковых контактов в прошлом и в настоящем.

Литература

Шанский — Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
Откупщиков — Ю. В. Откупщиков. Очерки по этимологии. СПб. 2001.

Raita Makare (Rīga)

Partikulu etimoloģija un funkcijas

Partikulas ir vēlū apzināta vārdu klase, kaut tās ir lietotas izsenis un jau sastopamas pirmajās vārdnīcās un izlokšņu pierakstos.

Var pievienoties uzskatam, ka partikulas ir palīgvārdi. Taču to kvalifikācijā, klasifikācijā un funkciju izpratnē ir vairāki diskutējami jautājumi.

Ir uzskats, ka ir t. s. patstāvīgie vārdi un palīgvārdi. Katrs termins ir nosacīts, arī tikko minētie.

Piemēram, vietniekvārdi un skaitļa vārdi bez atbalsta informācijas nav patstāvīgi, palīgvārdi no funkciju viedokļa arī ir dažādi.

Par palīgvārdiem jau sen atzīti ir prievārdi, kas būtībā ir locījumu sistēmas inventārs, un saikļi, kas ir teksta daļu (tās informācijas) attieksmju informatori.

Partikulas arī ir atzītas par palīgvārdiem un piepulcinātas vienā grupā ar prievārdiem un saikļiem, taču to funkcijas ir pilnīgi citas.

Prievārdi un saikļi sniedz gramatiskās semantikas informāciju, bet partikulas variē vārdu, to savienojumu vai pat teikuma pamatinformācijas saturu vai izsaka papildinformāciju.

Partikulas ir viens no stilistiskās informācijas izteiksmes līdzekļiem:

- 1) kas niansē vārda, vārdu grupas vai teikuma informāciju;
- 2) vai norāda uz komunikatora attieksmi pret īstenību.

Partikulas ir to vārdu klase, kuru cilme ir ļoti dažāda. Vairums šo vārdu ir radies no citām vārdšķirām. Vairākas partikulas ir homonīmas citu vārdšķiru vārdiem, piemēram, *jau, tad, nu* ir homonīmi atbilstošiem apstākļu vārdiem, *jo, it kā, tā kā* — atbilstošiem saikļiem, *ak* homonīms attiecīgajam izsaukmes vārdam.

Partikulu formas un semantikas etimoloģija parasti saistās ar šī vārda cilmes avotu.

Tā, piemēram, pastiprinājuma partikula *gan* ir radusies no apstākļa vārda *gana* ‘diezgan’ ir arī apvidvārds *gandināt* ar nozīmi ‘briedināt, ļaut piebriest’ (*gandināt riekstus*). Šīs saknes nozīme vērojama arī radu valodās un atspoguļojas arī partikulā *gan*, kas pastiprina atsevišķa vārda nozīmi vai visa teikuma saturu. Šāda pastiprinājuma nianse jūtama arī saikļa *gan* semantikā.

Tāda formas un nozīmes cilme un attīstība ir ciešā saistībā. Ir būtisks jautājums par partikulu attieksmi pret citiem modalitāti izteicējiem vārdiem, to klasifikāciju un funkcijām.

Šī problemātika tiek izvirzīta referātā, nepretendējot uz tās atrisinājumu.

Inga Milēviča (Daugavpils)

Īpašvārdi — kulturoloģiskie stereotipi mūsdienu Latvijas publicistikā

Pēdējā laikā dažādos valodas pētniecības aspektos (kulturoloģiskajā, pragmatiskajā, sastatāmajā) uzmanība tiek pievērsta dažādu kultūru pasaules ainās atšķirībām. Zināms, ka katra pasaules aina cittautietim ir kultūras labirints. Tāpēc šī problēma ir cieši saistīta ar fona zināšanu problēmu, starpkultūru komunikācijas jautājumiem u. c.

Īpašu vietu jebkurā pasaules ainā ieņem īpašvārdi. Tie akumulē savā semantiskā dažādu kultūrāli vēsturisku informāciju, tiem piemīt dažnedažādas emocionālas, estētiskas un vērtējuma asociācijas.

Īpašvārdiem piemīt dinamiskums (parādās jauni, bet deaktualizētie aiziet), mainās to aksioloģiskie raksturojumi (sal. īpašvārda *Ļenins* vērtējumu maiņu). Tomēr sastopamas arī konstantas nominācijas — *Napoleons, Lāčplēsis, Kangars, Staļins*...

Šādus īpašvārdus varētu uzskatīt par precedentu vārdiem (pēc Красных 1998). Precedenta vārds var nākt no precedentu teksta vai arī no precedentu situācijas. Piem., ..*diez vai čingāčguki mūsējiem spēs iemācīt sadzīt pēdas zibens spērienam, jo par to klusē gan viņējais, gan mūsējais Manitu* ...*stipri kā Lāčauši esam politiskos solījumos* (Jaunā Avīze.09.–15.08.2002.); un *Eiromednis savicina spārnus* (Diena. 28.02.2001.).

Pazīstams īpašvārds (jeb īpašvārds ar augstu precedentitātes pakāpi) tiek lietots bez jebkādiem komentāriem, bieži vien tas kļūst par precedentu situācijas (situāciju) reprezentantu un kulturoloģisku stereotipu; mazāk pazīstams (resp., ar zemu precedentitātes pakāpi) — lietojams ar komentāriem, tādējādi paredzot potenciālo komunikatīvo neveiksmi. Piem., *Pirmizrādes banketā visi viņu [kora dziedātāju ARIJU BRONKU] devēja par Allas Pugačovs dziesmu varoni madam Broškinu*. (Privātā dzīve. 10.-16.12.2002.); *Времена зигеристов, рутенисов (печально известный первый министр благосостояния ЛП — австралийский латыш) безвозвратно ушли*. (Вести. 04.04.2002.); *Valodu līdzsvaru Daugavpilī raksturo pilsētas iedzīvotāju nacionālais sastāvs: 55% krievu, 16% latviešu (to vidū arī jāni vanagi, kas latviešu valodu neprot), 15% poļu, 9% baltkrievu un 5% citu tautību*

laužu. (Daugavpilī valoda ziemo. Lauku Avīze.16.03.2002.) [paskaidrots iepriekšējā kontekstā — *..uz augstskolu nāk studenti ar latviskiem vārdiem, piemēram, Jānis Vanags. Taču latviski šis Jānis Vanags nesaprot ne vārda!*].

Īpašvārdam, kas kļuvis par lingvokultūrālo stereotipu, ir aktivizētas vārddarināšanas potences, bieži vien tie piedalās transformēto precedentu izteikumu veidošanā, kā arī dažādu veidu valodas spēlēs. Piem., *Tradicionāli lielākie „šķēlmīļi” — laikraksti Lauku Avīze un Diena..* (Diena, 15.10.1998.); *ШКЕЛЕм латвийской политики* (Час, 06.03. 1999.); *Левых зашкелило* (Час, 02.09.1999.); *Laventiāde* (Klubs. 07.1999.); *Pēdējā pusotrā gadā latviešu teātra grāmatniecībā iestājušies īsti treimanlaki* (Neatkarīgā Rīta Avīze. 15.08.2002.); *Dūleslaiki* (Rīgas Viļņi. 03.–09.06.2002.); *Olgija Spīrsa* (Rīgas Viļņi. 10.–16.06.2002.) sal. *Olga Rajecka un Britnija Spīrsa; Pīrāgas „degustācija”* (Rīgas Viļņi. 10.–16.06.2002.).

Simbola loma precedentu vārdam ir īpaši spilgta gadījumā, ja vārds ir dsk. formā: *Jelgavā, Valmierā, Dundagā un Limbažos visi domā par nākotni. Savu nākotni. Latvijas nākotni. Viņi ir jautri, zinātkāri, entuziasma pilni un patriotiski. Viņi ir nākotnes Renāri Kauperi un Vairas Vīķes-Freibergas* (Diena. 28.02.2001); *Jaunie Rutuļi un Krauzes* (Rīgas Viļņi. 03.–09.06.2002.).

Stereotips precedentu vārds bieži vien funkcionē īpašās konstrukcijās *mūsu (mūsmāju, mūsējais, Latvijas, latviešu) + stereotips PV*. Piem., *Pilsētā bijis arī vietējais „Ķirsona” ēstuvju tīkls — garšīgi, bet ne lēti.. Arī savas Čaka ielas un prostitūtu Erevānā neesot* (Privātā dzīve. 10.–16.12.2002.); *Piektdien Depo vietējas pašmāju ABBA, — latvju estrādes zvaigznes Eolika!* (Diena Izklaide. 09.08.2002.); *...известный сексопатолог Янис Залитис, которого называют латвийским Зигмундом Фрейдом* (Вести. 6.12.2001).

Literatūra

Красных 1998 — Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.

Светлана Муране (Даугавпилс)

Онопатопеическая мотивация глаголов звучания русского и латышского языков

В современной лингвистике разграничивают понятия: мотивация и мотивированность. Мотивация — это отражение одного из признаков реалии при номинации. Она является обязательной ступенью предноминативного процесса. Мотивированность же — продукт этого процесса (Сетаров 1988: 29).

Слова с онопатопеической мотивацией своей звуковой стороной связаны с определённым смыслом. Подобных слов, как показывают специальные исследования, в каждом языке много. Например, в русском языке только корневых звукоподражательных слов насчитывается около трёх тысяч (Сетаров 1988: 30).

Звукоподражательными словами богата семантическая группа глаголов звучания (ГЗ), особенно глаголов звучания животных (ГЗЖ). Звуки животных, как и природные звуки, являются не артикулированными и представляют собой фонетически не расчленённые комплексы. При создании звукоподражательного слова эти комплексы преобразуются в звукочленимые в соответствии с фонетическими особенностями конкретного языка.

Как свидетельствует материал нашего исследования, звукоподражательные глаголы могут иметь в сопоставляемых языках сходный фонетический облик. Так, в русском и латышском языках многие ГЗЖ являются не только эквивалентными, но и конгруэнтными на фонетико-фонологическом уровне (*мяукать* — *ņaudēt*, *мурлыкать* — *murrāt*, *гоготать* — *gāgāt* и многие другие). Сходство звукового облика подобных лексических единиц подтверждает мнение, что «при звукоподражании степень случайности в выборе признака в процессе номинации резко падает» (Языковая номинация 1977: 152).

Многие глаголы сопоставляемых языков, особенно ГПЗ, лишь приблизительно копируют естественные звуки, тем не менее, сходство звучания, передаваемого глаголами, определённо имеется. Сравним: *бурлить* — *burbuļot*, *трещать* — *tarkšķēt*, *шуметь* — *šņākt* и под.

Глаголы со звукоподражательной мотивацией особенно часто встречаются в семантической подгруппе ГЗЖ, особенно звучания птиц, что вполне объяснимо: голос у птиц является одним из важнейших их отличительных признаков. Некоторые примеры: *чирикать* — *čirkstēt*, *чивикаать* — *čivināt*, *курлыкать* — *klurkstēt*, *тенькать* — *tinkšķēt* (в переносном значении передаёт высокие голоса мелких птиц) и под.

В латышском языке, в отличие от русского, нередки случаи, когда звукоподражательные глаголы мотивируют соответствующие орнитонимы (*rubināt* — *rubenis*, *žadzināt* — *žagata*, *svirpstēt* — *svirpste* и многие другие). Подобная мотивация наблюдается и в других языках, её примеры приводятся Д. С. Сетаровым (1988: 42).

Особую группу ГЗ составляют слова, мотивированные междометиями. Они чаще встречаются в подгруппе глаголов речи: *ūjināt* (*ū-ū!*) — *аукать* (*ay!*), *vaimanāt* (*vai!*), в латышско-русском словаре (LKV) это междометие переведено как *ох!*, *ой!*, *ах!*, *ай!* — *охать*, *ойкать*, *ахать*.

В латышском языке, по данным академической грамматики латышского языка (MLLVG-I: 332–333), распространены глагольные дериваты от звукоподражательных слов: *brākšķēt*, *brīkšķēt*, *čabēt*, *švīkstēt* и другие, мотивированные междометиями типа *brākšķ*, *brīkšķ!*, *čab*, *čab!*, *švīks*, *švāks!* В русском языке мотивация ГЗ междометиями также свойственна ГПЗ. Сравним: *бряк!* (*брякать*), *бух!* (*бухать*), *трах-тах-тах!* (*трахтеть*) и под.

Рассмотренный материал показывает, что ГЗ свойственна ономотопеическая мотивация, которая имеет в сопоставляемых языках значительное сходство.

Литература

LKV — Latviešu-krievu vārdnīca. Латышско-русский словарь. 2 sēj. Rīga, 1979–1981.

MLLVG-I — Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I sēj. Rīga, 1959.

Сетаров 1988 — Д. С. Сетаров. Типология номинации, мотивации и лексико-семантических преобразований. Вильнюс.

Языковая номинация 1977 — Языковая номинация (Общие вопросы). / Отв. ред. Б. А. Серебренников и А. А. Уфимцева. Москва.

Senosios lietuvių kalbos denominatyvai su priesaga *-ėti*

1. Senosios lietuvių kalbos tekstuose randami denominatyvai su priesaga *-ėti*, kurie reikšmės atžvilgiu yra skirstomi į tris grupes:

1) Statyvai:

(1) *šlovėti*: Taip **schlowesi** ir gier gausi Mž 386.4.

(2) *budrėti*: Nes iei žmones **budri** / idant ne pateriotų penigų / kaipog mes toli budresneis turime būt' / idant ir dūszios ir wisso ne pateriotumbime DP 556.9 'Bo iesli ludzie czuią / aby nie stráciłi pienenų / iakožmy dáleko czuynieyszy być mamy / abysmy y dusze y wszytkiego nie stráciłi'.

(3) *tingėti*: nota **netigieiau** pagulđiti Mž 68.4.

2) Inchoatyvai:

(1) *miklėti*: Bet' iei puls ant' kęlo / tai yra / ant' szirdų įkietėjusiu / kaip' ákmũ / ir **įmiklėjusiu** piktibese DP 99.39 'Ale iesli vpá=dnie ná drogę / to iest / ná sercá zákamiále y zátwárdziále we złościách'.

(2) *riebėti*: Jog kad miélilei **įriebėio** / tad pradėio spiriūt': įsigrozėję / nusitukę / kad prastóio ir užmürszo W. Diėwą darítóię sáwą DP 355.34 'Jz gdy się miłośnicy rostuczýli / tedy ieli wierzgać: roskochawszy się / a utywszy / tedy opuścili y zapomnieli Pana Boga stwórcziela swego'.

(3) *kietėti*: **kietėiu** 'twardžię & twardnieję' SD 1.183; Nes' yra wienį nusidėięiie **įkietėię** / kurié drųsę gulėdami nūdemesę nei Diėwo biios / nei žmonių gėdis ir prikuwis / niėko nedūmodami ape pagėrinimą DP 280.14 'Bo są iedni grzesznicy zatwardziali / którzy bezpiecznie lażąc w grzechach swoich / ani się Boga boią / ani się ludzi wstydzą / nic nie myśląc o polepszeniu'; Bet' kas užgūliant' piktų ir **užkietėjusiu** DP 91.52 'Lecz co się tycze zlych á zátwárdziálych'.

3) Kauzatyvai:

(1) *nuodemėti*: **Nuodemeiei** iaunįstei DP 555.29 'Grzeszyłeś w młodości'.

(2) *šlovėti*: **szlawu** kam (sin. *szłowinu* kam) 'błogosławię komu' SD 3.18.

2.1. Paveldėta iš ide. prokalbės yra statyvinė reikšmė, plg. het. *nakke-* 'be weighty, important' < *nakki-* 'heavy, weighty, ponderous', het. *marše-* 'be false' < *marša-* 'false', lot. *albēre* 'būti baltam' < *albus* 'baltas', sva. *einēn* 'vereinzelt sein' < *ein*, ssl. *bogatėti* 'reich sein' (Watkins 1971, kurio nuomone, denominatyvų su *-ē-* pirminė reikšmė buvo statyvinė).

2.2. Gausi liet. kalbos denominatyvų grupė yra inchoatyvai. Kai kurios ide. kalbos turi priemonių, kuriomis išreiškiama ši reikšmė: het. *-es-* (*lu-ke-e-eš-zi* 'it grows light') ir lot. *-esc-* (*lūcēscit* 'it grows light'), žr. Watkins 1971, 86. Lietuvių inchoatyvai su priesaga *-ėti* dažnai turi priešdėlį (žr. aukščiau), dėl ko kyla klausimas, ar priešdėliniai veiksmazodžiai (pirmiausia su *i-*) nebuvo išėities taškas inchoatyvinei reikšmei. Tokiai hipotezei rastume analogiją senojoje vokiečių aukštaičių kalboje, kurioje inchoatyvai randami pirmiausia su *ir-*, plg. *ir-sōrēn* 'emarcescere', *ir-altēn* 'alt werden' (Watkins 1971, 56).

2.3. Paveldėta yra ir morfonologija aptariamųjų denominatyvų, plg. lot. *ac-u-s* 'adata' → *ac-ē-re* 'būti rūgščiam' ir *algus* 'šalnos' → *alg-ē-re* 'būti šaltu' (kur *acus* ir *algus* tai sudaiktavardėję būdvardžiai su reikšme 'aštrus', plg. gr. *ak-ró-s* ir 'šaltas'). Panašiai liet. *sald-u-s* → *sald-ė-ti* ir *ting-u-s* → *ting-ė-ti*. Abu yra seni, dar b-sl. laikotarpio, *u-*kamieno

būdvardžiai, ką patvirtina ssl. *sladъкъ* ‘saldus’ (**sald-ũ-kǎ-*) ir **teg-ũ-kǎ-* (plg. ssl. *otegъčiti* ‘beschweren’).

2.4. Statyvai (denominatyvai) su *-ē-* (< **-eh₁-*) sudaro priešpriešą kauzatyvams su priesaga *-ā-* (< **-eh₂-*), plg. het. *maršahh-* ‘falsify’ : *marše-* ‘be false’, lot. *clārāre* ‘daryti šviesiam’ : *clārēre* ‘būti šviesiam’, sva. *skuldigōn* ‘beschuldigen’ : *skuldigēn* ‘schulden’, sva. *merōn* ‘mehren’ : *merēn* ‘mehr sein’. Nors liet. kalboje yra denominatyvai (kauzatyvai) su *-oti*, pvz. *kreivoti*, tačiau statyvams su priesaga *-ėti* sudaro priešpriešą kauzatyvai su priesaga *-inti*, plg. sliet. *šlovinti* : *šlovėti*, *tinginti* : *tingėti*.

2.5. Šiandien lietuvių kalbos denominatyvai su priesaga *-ėti* labai reguliariai asmenuojami pagal tipą *senėti*, *senėja*, *senėjo*. Kaip rodo senosios lietuvių kalbos medžiaga, denominatyvai iš pradžių buvo tos pačios asmenuotės kaip ir deverbatyvai: *budri* (kaip *turi*), *pasaldu* (kaip *teka*) ir *kietėju* (kaip *daužėja*).

Literatūra

Watkins 1971 — C. Watkins. Hittite and Indo-European studies: the denominative staves in *-ē-*. In: Transactions of the Philological Society. — p. 51–93.

Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)

Словообразование и ономастическая этимология

Хорошо известно, что этимологизация собственных имен встречается с серьезными трудностями и во многих случаях не может быть признана надёжной, ибо «из двух решающих факторов — звуковых и смысловых соответствий с фактами других языков можно использовать лишь один — звуковой»⁵. На этом основании А. В. Суперанская, например, считает, что любая ономастическая этимология — это всего лишь гипотеза, не претендующая на общее признание. Д. Хестер писал, что этимологическая интерпретация собственного имени „is largely a matter of guess-work“⁶. Сопоставления близко и даже одинаково звучащих имён собственных не гарантируют того, что эти созвучия не являются случайными. Причём, здесь возможны Kling-Klang-Ähnlichkeiten не только в составе корня, но и цельнолексемные созвучия типа *Майн* в Германии и на Чукотке или *Нейва* в Южной Америке и на Урале. Подобного рода примеров можно привести немало в тех случаях, где исконное родство или заимствование явно исключено.

Значительная часть ономастических этимологий характеризуется полным субъективизмом как в выборе языков, на базе которых этимологизируются имена собственные, так и в подборе слов, с которыми сопоставляются анализируемые топонимы, гидронимы и др. Так, гидроним *Москва* сопоставляли с *моск* ‘кремень’ (Ф. И. Салов), *mosk-/mozg-* ‘мокнуть’ (С. Роспонд), словац. *móskwa* ‘недосушенный хлеб, собранный с поля’ (Г. А. Ильинский), *mozgnуть* (П. Я. Черных), марийск. *маска* ‘медведь’ + *ава* ‘мать, самка’ (С. К. Кузнецов), фин. *musta* ‘черный’ (А. Г. Преображенский), лит. *mazgóti* ‘мыть’ (В. Н. Топоров), морд. *мушка* ‘конопля’ (С. Г. Халипов) и мн. др.

⁵ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. — с. 40.

⁶ Hester D. A. The *i/e* Alternation in Mycenaean Greek. // *Minos*. Vol. 6. 1958. — p. 24.

Интересны кардинальные расхождения в вопросе о языковой принадлежности названия *Москва*. «В настоящее время гипотеза о финно-угорском происхождении названия *Москва* практически не поддерживается никем из ученых» (Г. П. Смолицкая, 1982 г.) — с одной стороны, а с другой: «В настоящее время финно-угорское происхождение топонима *Москва* очевидно» (Савицкий, 1993 г.). Не менее уверенно защищается также и славянская гипотеза: «...славянское происхождение названия *Москва* (города и реки) можно считать доказанным» (В. П. Нерознак, 1983 г.)⁷. Археолог В. В. Седов, много занимавшийся балтийской гидронимией бассейна Оки, столь же категорично утверждал о гидронимах *Протва*, *Москва*, *Смеда*: «Балтийское происхождение всех этих названий не может быть доказано» (В. В. Седов, 1971 г.). Приведенные выборочные примеры наглядно свидетельствуют о крайнем субъективизме — как в этимологических сопоставлениях, так и в общей оценке языковой принадлежности этимона у названия *Москва*.

Очень популярной является процедура вычленения так называемых „речных суффиксов“ у гидронимов бассейна Оки. Так, у названий типа *Москва*, *Протва* и др. финальное *-ва* сопоставлялось то с *ва* ‘вода’ (в языке коми), то с марийским *ава* ‘мать, самка’. Другой „речной суффикс“ якобы финно-угорского происхождения — это *-ша* со значением ‘вода, река’ (например, *Мокша*). Но в обоих случаях часто повторяющаяся конечная часть слова, если признать финно-угорскую гипотезу, исторически является вторым компонентом словосложения. Однако, во-первых, ни в одном финно-угорском языке нет никаких следов слова **ша* со значением ‘вода, река’. Во-вторых, как справедливо отметил В. А. Никонов, такие часто повторяющиеся элементы в финальной части слова обычно являются суффиксами, а не значимыми словами. Наличие в финно-угорской топонимии образований на *-ва* и *-ша* (тип *Лысь-ва* и *Кандалак-ша*) совсем не говорит о том, что и другие названия на *-ва* и *-ша* — финно-угорского происхождения, ср. кельт. *Genava* (у Цезаря) = совр. *Женева*, итал. *Genova* ‘Генуя’ и даже *Оттава*, *Окинава*, *Айова* и мн. др. Точно также и образования на *-ша* (как в апеллятивной, так и в ономастической лексике) могут принадлежать разным языкам⁸.

Именно ненадежность методической базы при этимологизации ономастической лексики заставила автора настоящего сообщения обратиться к разработке новой методики ономастической этимологии⁹, в основе которой лежит словообразовательный анализ. Литовский язык, известный своей исключительной архаичностью, сохранил большое количество древних индоевропейских прилагательных с *-и*-основой, которые дают производные с суффиксом *-v-*. Ср. др.-инд. *vidhús* ‘одинокий’ и *vidhávā* ‘вдова’, а также авест. *vidavā*, лат. *vidua* (в произношении *viduva*), ст.-слав. *вьдова* *idem*.

В литовской апеллятивной и ономастической лексике (в частности, в гидронимии) имеется большое количество образований на *-ava*, *-uva* и *-va*, имеющих в качестве производящей основы прилагательные на *-ūs*. Например, *ragūs* ‘обрывистый’ → *raguvā*

⁷ Со ссылкой на Г. А. Ильинского, который сопоставил название *Москва* со словац. *móskwa* ‘непросушенный хлеб, собранный с полей’, а также с явно заимствованными словами *москоть* и *москатель* (!).

⁸ Об этом, в частности, см.: Попов А. И. Географические названия (введение в топонимику). М.: Л., 1965. — с. 121.

⁹ Сначала — на материале палеобалканской ономастики, см.: Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988. Затем — применительно к балтийской гидронимии бассейна Оки.

‘овраг’ (и р. *Raguvà*), *drėkùs* ‘сырой’ → *drėkvà* ‘сырость’; *artùs* ‘близкий’ (ср. *Армыс* — две реки в бассейне Оки) → р. *Artavà*, *ringùs* ‘извилистый’ → р. *Ringuvà*, *audrùs* ‘бурный’ → лтш. р. *Audrava* и др. Та же картина — в гидронимии бассейна Оки балтийского происхождения: лит. *sūrùs* ‘солёный’ → р. *Сурава*, *tankùs* ‘густой (о растительности)’ → овраг *Танковой*, *tolùs* ‘дальний’ → р. *Талова*, *Талва*. Ср. также *Týtava* (р. в Литве) → р. *Тумова*, *Тумва*. Наконец, лит. *maskùs* ‘малый’ → озеро *Москово* и р. *Москва*¹⁰.

В литовском языке прилагательные на *-ùs* послужили производящей основой не только для апеллятивов и гидронимов на *-uva*, *-ava*, *-va*, но также и для производных на *-šė* (жен. род) и на *-šis* (муж. род). Например, *gilùs* ‘глубокий’ → озеро в Литве *Gilùšis* и (с синкопой *u*) *Gilšė*. Или — в апеллятивной лексике: *genùs* ‘пестрый, черно-белый’ → *gėnšė* ‘аист’. Лит. *-šė* при заимствовании в славянские языки закономерно даёт *-ша*, ср. лит. *kùlšė* ‘бедро’ → блр., рус., укр., польск. *кульша*, *kulsza idem*¹¹ — всё с тем же „финно-угорским“, „речным“ суффиксом *-ша*. Очень часто балтийский суффикс *-šė* → *-ша* встречается у гидронимов бассейна Оки балтийского происхождения. Так, лит. *sekùs* ‘неглубокий’ по рассмотренной выше словообразовательной модели даёт р. *Секша*, *valùs* ‘чистый’ — озеро *Волиша*, *lakùs* ‘быстрый’ — р. *Лакша*, *jukùs* ‘мутный (о воде)’ — р. *Юкша* и др.¹²

Таким образом, речь идет не об изолированном сопоставлении отдельных гидронимов „по сходству звона“, а о наличии двух бесспорно балтийских словообразовательных моделей: *-ùs* → *-uva*, *-ava*, *-va* и *-ùs* → *-(u)šė* → *-ша*, которых нет ни в славянских, ни в тюркских, ни в финно-угорских языках. Нужно подчеркнуть, что вся сложная словообразовательная система древнейшей гидронимии бассейна Оки, отнюдь не ограниченная двумя рассмотренными словообразовательными моделями, является балтийской, а не славянской и не финно-угорской.

Jurgis Pakerys (Vilnius)

Etimologija ir denominatyvinių veiksmažodžių darybinės reikšmės

Darybinė žodžio analizė — viena svarbiausių etimologinio tyrimo dalių. Nenustačius derivacijos modelio ir chronologijos, žodžio istorija lieka miglota. Iš baltų etimologijos žodynų autorių V. Mažiulis turbūt labiausiai yra akcentavęs derivacijos svarbą (plg. įvadinę pastabą PKEŽ 1 6). Šios nuostatos laikosi ir kiti nūdienos tyrėjai — plg. W. Smoczyński (2001) dėmesį žodžių darybai jo naujausioje lietuvių leksikos studijoje.

Abstrakčiausias vedinio semantikos apibūdinimas — tai jo derivacinė kategorija. Kalbant apie išvestinius daiktavardžius, įprasta vartoti visiems suprantamus terminus *nomen actionis*, *n. instrumenti*, *n. agenti*, *n. loci*, *n. qualitatis* ir pan. Aptariant deverbalyvinius veiksmažodžius (resp. veiksmažodinių kamienų modifikacijas), vartojamos sąvokos *iterativum*, *causativum*, *perfectivum*, *stativum*, *durativum*, *inchoativum* ir kt. Daug keblesnė vardažodinių veiksmažodžių situacija

¹⁰ Детально этимология последнего гидронима будет изложена в подготовленной монографии «Балтийская гидронимия бассейна Оки».

¹¹ Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. — с. 15–16.

¹² Подробнее (с большим количеством примеров) см.: Откупщиков Ю. В. Об этимологии гидронима *Мокша* // Учёные записки Казанского университета. Том 143. Казань, 2002. — с. 27–28.

— jų darybinių kategorijų inventorių kol kas nėra nusistovėjęs (net ir sinchroniuose aprašuose).

Šioje situacijoje būtų perspektyvu pasiremti tipologinių tyrimų rezultatais — čia nemažai nuveikęs yra V. Kaliuščenko, kurio paskutinės studijos remiasi 50 kalbų duomenimis (Калиущенко 1994; Калиущенко 2000). Jo skiriami tokie pagrindiniai daiktavardinių veiksmažodžių tipai: posesiniai, lokatyviniai, atributiniai, objektiniai, instrumentiniai, predikatiniai, temporaliniai ir įvykio¹³. Ši klasifikacija tiktų ir kitiems vardažodiniams veiksmažodžiams, išvestiems iš būdvardžių, skaitvardžių ir įvardžių. Dauguma pastarųjų vedinių patektų į atitinkamus atributinių veiksmažodžių pogrupius.

Žinoma, kai kurie etimologai prieštarautų, kad neverta gaišti laiko analizuojant darybiškai skaidrius darinius (denominatyviniai veiksmažodžiai dažnai rodosi esą tokie). Į šią pastabą atsakytina, kad etimologizuojamų leksemų registro sudarymas, žinoma, yra autoriaus prerogatyva, bet jei žodis į straipsnį ar žodyną pateko, jo darybinius ryšius ir reikšmę (resp. kategoriją) nurodyti reikėtų. Kita vertus, esama nuomonių, kad skaidrių (ar tik „skaidriai“ atrodančių) darinių monotonijos apskritai nederėtų vengti, nes čia galima pastebėti ir labai įdomių reiškinių (Трубачёв 2002: 5).

Praktiškai denominatyvinių veiksmažodžių darybines kategorijas nurodyti siūlytina santrumpomis. Sakysim, etimologizuojant sinchroniškai neskaidomus veiksmažodžius lie. *ragáuti*, *rāginti*, la. *raguôt*, *radzinât*, pakaktų dėti santrumpą *instr.* ir nurodyti pamatinį žodį (lie. *rāgas*, la. *rags*).

Literatūra

Калиущенко 1994 — В. Д. Калиущенко. Типология отыменных глаголов, Донецк. [*non vidi*]

Калиущенко 2000 — V. D. Kaliuščenko. Typologie denominaler Verben, Tübingen.

РКЕЖ 1 — Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas, T. 1: A–H, Vilnius, 1988.

Smoczyński 2001 — W. Smoczyński. Indoeuropejskie podstawy słownictwa litewskiego. In: W. Smoczyński.

Język litewski w perspektywie porównawczej. Kraków, 2001 (Baltica Varsoviensia 3) — s. 96–166.

Трубачёв 2002 — О. Н. Трубачев. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003). // Вопросы языкознания № 4. — с. 3–24.

Светлана Полковникова (Даугавпилс)

Мотивация глаголов речи латышского и русского языков

Лексика, связанная с человеком, в частности, с его речевой деятельностью, образует значимый пласт словарного состава любого языка. Рассматриваемые глаголы типа *jūsot*, *ūjināt*, *urravot*, *аукать*, *дакать*, *тпрукать* и др. являются частью лексико-семантической группы глаголов речевой деятельности латышского и русского языков. В научной литературе такие глаголы известны под общим названием ономотопеические. Мотивированность глаголов речи может рассматриваться в синхронном и диахронном срезе. Для нас более важным является восприятие мотивированности данных глаголов на синхронном уровне. М. Шне отмечает, что с точки зрения диахронии исследуется этимология языковых единиц, а с точки зрения синхронии — мотивация (Šnē 1998: 28).

¹³ Vok. Ereignisverben, pvz.: ru. *дождить* : *дождь*, an. *to rain* : *rain*. Čia greičiausiai priskirtinas lie. *žaičiuoti* : *žaižas*.

Звукоподражательные глаголы — это не только такие слова, которые современными носителями языка воспринимаются как структурно и семантически соотносимые со звукоподражанием, но прежде всего те, которые на их базе были образованы (Timoszuk 1994: 7). Звукоподражательное слово создается не ради звукоподражания, а для того, чтобы на основе звукоподражания создать звуковую оболочку для названия определенного звучания, независимо от того, будет оно представлено в языке как процесс, сопровождающийся звучанием, или как простое название звучания, например, треск, звон и т. д. Человек, создающий звукоподражательное слово, членит определенное звучание сугубо индивидуально по принципу «что кому слышится и как представляется» (Роль человеческого фактора в языке 1988: 94).

В обоих сопоставляемых языках наиболее обширную группу образуют глаголы, мотивированные рядом междометий, которые могут совпадать в обоих языках, напр., *tpr*, *tprū*, *tnpu*, *tnpp*, откуда эквивалентные производные *tprūjināt*, *tnпрукать* (останавливать лошадь или другое рабочее животное возгласом *tnпу*), но могут и различаться. Так, в латышском языке междометие *cui* мотивирует глаголы *cuiņāt* (*cujināt*), в свою очередь в русском языке эквивалентные глаголы *устькать*, *улюлюкать* соотносятся с междометиями *усть-усть*, *улюлю* (кричать *cui*, *усть-усть*, *улюлю*, натравливая собаку на кого-, что-либо). Значение подобных глаголов легко выводится из того представления, которое имеется у носителей языка относительно произносимых звуковых комплексов, что и фиксируется в толковых словарях, т. е. толкование подобных глаголов содержит отсылку (эксплицитно выраженную сему) мотивирующего слова, ср.: *ūjināt* ‘vairākkārt skaļi izrunāt ū skaņu vai skaņu savienojumus, kas sākas ar *u*, *ū*, lai sasauktu kādu’; *аука́ть* ‘кричать *ау* (возглас, которым переключаются, чтобы найти или не потерять друг друга)’.

Как в латышском, так и в русском языках единичными примерами представлены глаголы, мотивированные существительными, местоимениями, частицами, ср.: *dievoties*, *божиться*, *jūsot*, *jūsoties*, *jūsināt*, *выкать* и др.

Сопоставительный анализ явлений мотивации глаголов речи латышского и русского языков позволяет рассмотреть как межъязыковые тождества, так и различия в системе данных явлений каждого языка, раскрыть системно-функциональные закономерности языков, общие языковые универсалии. Таким образом, проявляются не только сходства лексических систем обоих языков, но и лакуны, поскольку часть мотивированных глаголов является безэквивалентной по отношению к другому языку, ср.: *urrāt* ‘качать (кого) (с криками *ура!*)’, *шукать* ‘apsaukt (kādu) (saucot *tss!*)’.

Литература

- Timoszuk 1994 — M. Timoszuk. Ономастические глаголы в русском языке. Warszawa.
Šnē 1998 — M. Šnē. Latviešu valodas putnu nosaukumi (leksiskās motivācijas analīze sinhronajā aspektā).
// Linguistika Lettika 2. Rīga. — 26.–37. lpp.
Роль человеческого фактора в языке 1988 — Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. Москва.

Erika Rimkutė (Kaunas)

Tikrinių daiktavardžių vartosena anotuotame lietuvių kalbos tekстыne

Pranešime analizuojama tikrinių daiktavardžių vartosena nedidelėje dabartinės lietuvių kalbos tekstyno dalyje, kuri yra automatiškai morfologiškai anotuota Vytauto Zinkevičiaus sukurtos kompiuterinės programos „Lemuoklis“.

Nagrinėta, kokie tikriniai daiktavardžiai pavartoti morfologiškai anotuotame tekstynėlyje, kiek iš jų atpažįstama ir pažymima automatiškai, kiek visai nesulemuojama; koks daugiareikšmių ir vienareikšmių tikrinių daiktavardžių santykis, kokios dažniausios homoformos, kaip skirtini tikriniai ir bendriniai daiktavardžiai.

Iš analizuotų daiktavardžių 54,2 % buvo visiškai atpažinti, 7,8 % atpažinti sąlyginai, o 38 % — visiškai neatpažinti (sąlyginai atpažintais laikomi tokie daiktavardžiai, kurie automatiškai sulemuojami ir morfologiškai anotuojami, bet ne kaip tikriniai daiktavardžiai).

Didžioji visiškai atpažintų daiktavardžių dalis yra vienareikšmė (78 %). 22 % tikrinių daiktavardžių buvo daugiareikšmiai. Tikrinių daiktavardžių homoformoms būdingas linksnių sinkretizmas, *substantiva mobilia* daiktavardžių sutapimas, tikrinių daiktavardžių ir kitų kalbos dalių homoformos.

Dažniausiai tikriniai daiktavardžiai morfologiškai traktuojami kaip daugiareikšmiai dėl sutampančių linksnių, t. y. linksnių sinkretizmo (41,4 %), pavyzdžiui, forma *Lietuva* gali būti vnsk V, Įn ir Š.

Kiek retesnės tikrinių daiktavardžių homoformos (25,3 %), kai atsitiktinai sutampa tikrinio daiktavardžio ir kitų kalbos dalių formos, pavyzdžiui, forma *Giedrius* sutampa su būdvardžio *giedrus* (= *giedras*) vyr. gim dgsk G.

18,4 % tikrinių daiktavardžių laikomi daugiareikšmiais, nes jie gali sutapti su bendrinių daiktavardžių formomis, pavyzdžiui, forma *Lietuvai* gali būti apibūdinta ne tik kaip tikrinis daiktavardis *Lietuva*, bet ir kaip daugiskaitinis bendrinis daiktavardis *lietuvai*.

Tos pačios reikšmės, bet skirtingų giminių tikrinių daiktavardžių (*substantiva mobilia*) homoformos sudaro 6,9 % viso tikrinių daiktavardžių daugiareikšmiškumo, pavyzdžiui, *Česlovas* — tai gali būti vyr. gim daiktavardžio *Česlovas* vnsk V arba mot. gim daiktavardžio *Česlova* dgsk G.

Gana reti atvejai, kad sutaptų kelių skirtingų tikrinių daiktavardžių formos (3,4 %), pavyzdžiui, *Pravieniškų* — tai gali būti daiktavardžiai *Pravieniškės* ir *Pravieniškis*.

Galimi ir kiti daugiareikšmiškumo atvejai (4,6 %), pavyzdžiui, forma *Rita* — sutampa keli linksniai ir kai kurios tikrinio daiktavardžio bei veiksmažodžio *risti* formos.

Dažniausiai vartojamas tikrinių daiktavardžių linksnis — vienaskaitos vardininkas (37,9 %). Beveik tiek pat pavartota daiktavardžių vienaskaitos kilmininko linksniu (37,3 %). Likę linksniai daug retesni.

Išanalizavus automatiškai morfologiškai anotuotame tekстыne pavartotus tikrinius daiktavardžius pastebėta, kad analizę atliekančiai kompiuterinei programai tikrinių daiktavardžių skyrimas ir jų morfologinė anotacija dar ilgai liks problema. Ypač sudėtingi tie atvejai, kai tas pats žodis gali būti ir bendrinis, ir tikrinis daiktavardis, pavyzdžiui, *Rasa*, *Gintaras*.

Kita su tikriniais daiktavardžiais susijusi problema yra tai, kad tas pats žodis, priklausomai nuo konteksto, gali būti ir tikrinis, ir bendrinis, pavyzdžiui, *žemė*: kai šis žodis vartojamas kaip planeta, *Žemė* bus tikrinis daiktavardis, o jei kalbama apie dirvą, sausumą, šalį ir pan., tokiu atveju *žemė* — bendrinis daiktavardis.

Kartais neaišku, kur prasieda ir baigiasi tikrinio daiktavardžio ribos, ar jos visada sutampa su vieno žodžio ribomis, pavyzdžiui, pavadinimas *Juodoji jūra*. Morfologiškai minėtą junginį sudaro būdvardis ir bendrinis daiktavardis, bet jie kartu įgyja pavadinimo reikšmę, taigi, galima sakyti, atstoja tikrinį daiktavardį.

Jānis Rozenbergs (Rīga)

Etimoloģija un semantika

Etimoloģija un semantika ir ciešās attiecībās.

Etimoloģija tiek skaidrota dažādi un no dažādiem aspektiem. Un arī attiecīgais termins, nākot no grieķu valodas, dažādās valodniecībās un to novirzienos ir guvis dažādu izpratni.

Tas, protams, veido augsni šo problēmu risināšanā.

Mūsu nolūks ir pievērst uzmanību šīs problemātikas dažādiem aspektiem:

- 1) etimoloģijas pētījumus būtu vēlams veikt visās iespējamās valodas strukturālās vienībās;
- 2) domājams, lietderīgi saistīt etimoloģijas un semantikas, un arī formas cilmes un attīstības problemātiku.

Tādējādi, domājams, veidotos plašāks priekšstats par valodas ne tikai formu, bet arī nozīmju attīstību, kas varētu sekmēt leksikas semantikas vēstures pilnīgošanas gan pamatinformācijas, gan papildinformācijas aspektā.

Šāds ieskats papildinformācijas sakarā sekmētu stilistisko izteiksmes līdzekļu vēstures izpēti un informācijas ziņā vispār rādītu etimoloģijas un semantikas attiecības.

Ilna Sideravičiūtė-Mickienė (Kaunas)

Kuršių kalbos reliktai Lietuvos toponimuose

Karinga kuršių gentis rašytiniuose šaltiniuose minima anksčiau už kitas. Bene pirmoji pažintis su šia gentimi — Bremeno — Hamburgo arkivyskupo Rimberto kronika, kurioje atskleidžiamas jų gyvenimo būdas, aprašomos kovos su švedais bei danais, vykusios nuo 853 m.

Etnine kuršių istorija tyrinėtojai susidomėjo jau XIX–XX a. sandūroje, tačiau tik 3-ame XX amžiaus dešimtmetyje ši gentis buvo priskirta baltams, nors šiai nuomonei dar ir dabar ne visuomet pritariama.

Bene sudėtingusia iki šiol yra kuršių gyvenamosios teritorijos problema. Mokslininkai iki šiol nesutaria dėl kuršių gyventos teritorijos, ir dar negalima teigti, kad šis klausimas jau yra galutinai išspręstas. Kalbininkai ir istorikai dažnai nurodo skirtingas kuršių gyventos teritorijos ribas. Dabar manoma, kad pietinė kuršių teritorijos riba Lietuvoje galėjo siekti dabartinės Palangos, Telšių, Plungės apylinkes, o rytinė ėjo Ventos upe. Šiaurėje kuršių ir lybių riba apytikriai turėjusi eiti per Ventspilį, Talsus, Tukumą. Kadangi visos baltų gentys turėjo daug panašumų, buvo gana artimos etniniu požiūriu, todėl apibrėžti griežtesnes jų gyventų teritorijų ribas, yra gana sudėtinga. Antra vertus, baltų gyventos teritorijos, matyt, išties nuolat kito dėl gana sudėtingai besiklostančių santykių tarp įvairių genčių.

Gana ilgai kuršiai nebuvo laikomi baltais; buvo manoma, kad kuršiai — Pabaltijo finų gentis, o jų kalba priskiriama finų kalbų grupei. Kiek vėliau galvota, kad ši kalba tik latvių kalbos dialektas. Latvių kalbininkas J. Endzelynas 1912 m. pirmasis paskelbė, kad kuršių kalba yra atskira baltiškos kilmės kalba, užimanti tarpinę vietą tarp latvių ir lietuvių kalbų. K. Būga ėmėsi tirti „kuršių kalbos liekanas“, stengdamasis parodyti šios kalbos ypatumus, skirtumus ir panašumą į kitas baltų kalbas. Apie kuršių kalbos vietą baltų kalbų grupėje yra rašęs kalbininkas V. Mažiulis. Jo manymu, kuršiai iš pradžių buvę vakarų baltai ir tik vėliau, maždaug nuo I tūkstantmečio po Kristaus vidurio, priartėję prie rytų baltų. Dabar šios kalbos liekanų galima aptikti latvių bei žemaičių tarmėse, kurių teritorijoje yra gyvenę kuršiai.

Daugiausia informacijos apie kuršius duoda tikriniai žodžiai, užrašyti istoriniuose dokumentuose, ypač hidronimai, randami buvusioje kuršių teritorijoje. Hidronimų, aptinkamų numanomoje kuršių gyventoje teritorijoje, tyrimas atskleidžia ne tik jų pačių kilmę, bet ir padeda rekonstruoti kai kuriuos kuršiškus apeliatyvus.

Kalbininkai, nagrinėdami toponimus, formuluoja savas išvadas apie genčių gyvenamas teritorijas, įvairius kalbinius faktus priskirdami kuriai nors konkrečiai baltų genčiai.

Žinių apie kuršių kalbą suteikia kuršių gyventoje teritorijoje esančių tarmių fonetiniai, morfologiniai, semantiniai tyrinėjimai.

Lietuvių onomastikos pradininkas K. Būga pirmasis ėmėsi aptarinėti toponimus. Jis gilinosi į jų etimologiją, kilmę, bandė apibrėžti baltų genčių teritorijas, jų migracijos kryptis.

Iš gyvosios kalbos kalbinių ekspedicijų metu surinkti ir Lietuvių kalbos instituto Vardyno skyriaus kartotekoje saugomi Telšių rajono toponimai, taip pat patvirtina, kad šiose žemėse gyventa kuršių. Tyrinėjant rajono toponimus, aptariant jų darybą, nustatant darybos pamatą tokie atradimai kėlė nemažai problemų. Užrašyta toponimų, turinčių atitikmenų lietuvių ir latvių kalbose. Be jau žinomų kalbininkų išsamiau aptartų Telšių rajono toponimų, dažniausiai oikonimų ir hidronimų, kurie neabejotinai yra kuršiškos kilmės, buvo aptikta keletas smulkesnių vietų vardų — agronimų, drimonimų, helonimų, oronimų, turinčių kuršių kalbai būdingų ypatybių.

Skirtumai kuršių ir lietuvių bei latvių fonetinėse sistemose apžvelgti jau K. Būgos darbuose. Jais remiantis kai kurie Telšių rajono oikonimai ir hidronimai laikomi kuršiškais.

Taikant leksinį kriterijų, toponimo kuršišką kilmę lemia etimono reikšmė. Keleto Telšių rajone aptiktų smulkiųjų toponimų šaknys kalbininkų yra priskiriamos „kuršiškai“ leksikai. Tai sudaro apie 0,2 % visų viename Lietuvos rajone rastų toponimų

Telšių rajone užrašyta toponimų, kurių pamatinis žodis neturi atitikmenų lietuvių kalboje, tačiau jų randama latvių kalboje. Manytina, kad tokie toponimai, bei toponimai, turintys panašios šaknies žodžius latvių bei lietuvių kalbose, taip pat gali būti kuršių kalbos reliktai.

Iš visų Telšių rajone užrašytų priesagų vedinių, aptikta 5 % priesagos *-al-* vedinių. Ši priesaga, dabar Lietuvoje būdinga tik žemaičiams, paveldėta iš kuršių kalbos.

Krašte, kuriame buvo įsikūrę kuršiai, randama toponimų ir su priesaga *-ng-*. Priesagą *-ng-* yra vartoję ne tik kuršiai, bet ir prūsai bei sėliai. Telšių rajone toponimai, priesagos *-ng-* vediniai, aptinkami retai.

Kuršių gyventas teritorijas padeda apibrėžti ir vietovardžių su *kurš-* šaknimi paplitimas. Todėl svarbu toliau tyrinėti visus numanomoje kuršių teritorijoje esančius toponimus.

Bandymai pažvelgti į kuršius, remiantis dabartiniais toponimais, užrašytais teritorijoje, kurioje galėję gyventi kuršiai, tai pirmasis mėginimas įtraukti ir smulkiuosius toponimus į

senųjų toponimų (hidronimų bei oikonimų) kontekstą. Tai tarsi paskata toliau tyrinėti visus numanomoje kuršių teritorijoje esančius toponimus.

Daiva Sinkevičiūtė (Vilnius)

Lietuvių trumpinių su priesaga -š- kilmė

Istoriškai senuosius lietuvių asmenvardžius galima skirti į tris grupes: dvikamieniai asmenvardžiai, dvikamienių asmenvardžių trumpiniai ir jų priesagų vediniai bei apeliatyvinės kilmės vardai. Įprasta manyti, kad lietuvių trumpiniai atsirado iš kurio nors vieno dvikamienio asmenvardžio sando arba pirmojo dvikamienio asmenvardžio sando ir dalies antrojo dvikamienio asmenvardžio sando. Taip teigia Salys (1983: 12), Skardžius (1998: 441), Zinkevičius (1977: 229), Kuzavinis ir Savukynas (1994: 27). Dalis lietuvių trumpinių, kaip ir dvikamienių asmenvardžių, susiformavus ir stabilizavusis paveldimai įvardijimo sistemai, tapo pavardėmis, nors Maciejauskienė (1991: 248) teigia, kad trumpiniai negalėjo padaryti pastebimesnės įtakos bendram pavardžių kilmės vaizdui.

Lietuvių trumpinius pagal struktūrą galima skirti į dvi grupes: 1) nepriesaginiai trumpiniai ir balsinių priesagų vediniai; 2) priebalsinių priesagų vediniai. Pirmosios grupės trumpiniai tapo savarankiškais vardais, kai trumpiniais buvo vadinami ne vien tik dvikamienių vardų turėtojai (norint ilgus vardus sutrumpinti ar išreikšti papildomas emocijas), bet trumpinio kilmės asmenvardis tapo pagrindiniu žmogaus vardu.

Iš dvikamienių asmenvardžių buvo daroma ir kitokios sandaros trumpinių — su priebalsinėmis priesagomis; plg. su priesaga -š-: *Diršė* Kn (plg. *Dir-gėl-a*, *Dir-mant-as*), *Barčỹs* Krž (plg. *Bar-gái-la*, *Šād-bar-as*), *Bukšà* Kn (plg. *Bù-kant-as*, *Bu-gìn-is*), *Bučỹs* (plg. *Bùt-vyd-as*, *Nór-but-as*), *Daũkšas* Als (*Daũ-kant-as*, *Dau-kiñt-is*), plg. *Gėčas* Tl (*Gėd-gaud-as*, *Ged-mìn-as*), *Girčas* Kn (plg. *Girš-taut-as*, *Gir-kont-as*), *Kaňčas* Vn (plg. *Kont-mìn-as*, *Bù-kont-as*), *Mončỹs* Skd (plg. *Moñt-vyd-as*, *Ký-mant-as*) ir kt.

Pirmas postūmis šio tipo trumpiniams atsirasti galėjo būti kalbos sistemoje funkcionuojantys tokie apeliatyvai kaip *kėkšis* ‘netikęs, netvirtas žmogus’, *kluĩkšas* ‘paikšas, kvaiša’, *vařgšas* ‘vargstantis, skurstantis žmogus, varguolis, neturtėlis’, *paĩkšis* ‘paikas žmogus, kvaiša’, *virpša* ‘kas virpa, dreba’ ir kt. Iš tokių, dažniausiai menkinamai charakterizuojančių asmenį, apeliatyvų atsiradusios pravardės vėliau tapo pavardėmis – plg. pavardes *Dařkšas*, *Jukšà*, *Rapšỹs*, *Rėpšas*, *Rukšà*, *Ruñšas* ir kt. Tokio tipo pravardinės kilmės asmenvardžiai padėjo įsitvirtinti kalbos sistemoje ir trumpinių kilmės asmenvardžiams su priesaga -š-. Kitas veiksnys, skatinęs dvikamienių asmenvardžių trumpinių su priesaga -š- atsiradimą ir išsigalėjimą, buvo sutapę apeliatyviniai priesagos -š- vediniai ir šio tipo asmenvardžių trumpiniai: pvz., avd. *Gũčas* Šl (plg. avd. *Gėl-gud-as* Šl) ir *gũčas* ‘gudruolis’; *Rimša* Pln (plg. *But-rim-as*, *Mant-rim-as* Pln) ir *rĩmša* ‘tylus, ramus žmogus’.

Lietuvių trumpiniai su priebalsinėmis priesagomis galėjo atsirasti tiesiogiai trumpinant dvikamienius asmenvardžius: prie vieno dvikamienės pavardės sando arba pirmojo dvikamienio asmenvardžio sando ir jo antrojo sando pradžios priebalsio pridėdant priesagą, kuri trumpam vardui suteikė papildomas konotacijas.

Vilma Šaudiņa (Daugavpils)

Aizguvums vai mantots vārds?

Aizguvumu noteikšana ir visai sarežģīts uzdevums, īpaši, ja runājam par ļoti tuvām radu valodām, kuru struktūrā ir daudz līdzības. Tas apgrūtina arī lituānismu noteikšanu latviešu valodā (izloksnēs). Nereti sastopami gadījumi, kad grūti noteikt, vai konkrētā leksēma ir aizguvums no lietuviešu valodas, vai arī tas ir mantots vārds, jo trūkst formālu diferencējošu pazīmju. Ar līdzīgu problēmu saskaras arī, piemēram, baltismu pētnieki slāvu valodās.

Lituānismu noteikšanā nozīmīgākie kritēriji ir fonētiskais, semantiskais un lingvoģeogrāfiskais. Tomēr, kā atzīst A. Sabaļausks, lietuviešu un latviešu valodas fonētiskās struktūras līdzības dēļ atsevišķos gadījumos nav iespējams noteikt, vai vārds vispār ir aizguvums vai arī tas ir abām valodām kopīgs. Tāpēc par daļu latviešu literārās valodas (izlokšņu) vārdu, kuru struktūrā ir nekārtni *ķ, ģ, č, dž*, kā arī *š, ž* vai tautosillabiskie savienojumi (piemēram, *snuķis, ģelzis, ķermis, ģirsa, žēginis, mente*), ir izteikti dažādi atzinumi.

Izloksnēs ir arī aizguvumi ar tautosillabisku *un* vai *um*, kas nerada šaubas par vārda lietuvisko izcelsmi. Šie aizguvumi ir ienākuši no lietuviešu valodas ar austrumlietuviešiem raksturīgo *un < an, um < am*, piemēram, *izgrundīt* ‘iztīrīt, izskrubināt mīklas paliekas no abras’; *salumdīt* ‘saburzīt’; *unteža* ‘ežmala, eža’.

Lietuvas pierobežā ir sastopami mantoti vārdi, kurus vairs nepazīst citos novados, bet izloksnēs to saglabāšanos, iespējams, ir balstījusi lietuviešu valoda vai arī tie ir aizgūti no lietuviešu valodas un tādējādi „atgriezušies” latviešu valodā.

Saulutē Juzelēnienē, Ilona Sideravičiūtē-Mickienē (Kaunas)

Apie Pakruojo ir Vilkaviškio rajonų vietovardžių darybą

Iš viso užrašyta¹⁴ ir straipsnyje nagrinėjama 1050 vietovardžių (oikonimų ir hidronimų): 530 Pakruojo rajone ir 520 Vilkaviškio rajone.

Pakruojo rajone užrašyti 374 oikonimai. Jie suskirstyti į pirminius, daugiskaitinius ir antrinius. Pirminių oikonimų yra 33 (9 %). Gausesnė yra pirminių bendrinių daiktavardinių oikonimų grupelė (27 %), jie dažniausiai yra kilę iš įvairių vietų pavadinimų (pvz.: *Akmenynė* k. < *akmenynė* ‘dirva, žemė, kur daug akmenų’, *Vanagynė* k. < *vanagynė* ‘vieta, kur peri vanagai’) ir kitų daiktavardžių (*Dvariškiai* k. < *dvariškis* ‘dvaro darbininkas, tarnautojas’).

Daugiskaitiniai oikonimai yra tarpiniai tarp pirminių ir antrinių, jų Pakruojo rajone užrašyta 187 (50 %). Beveik visi jie yra kilę ir asmenvardžių (185), pvz.: *Aleknāvičiai* k. : *Aleknāvičius*; *Jackóniai* k. : *Jackónis*. Kaip rodo tyrinėjimai, pavardžių stabilizavimosi laikotarpiu (XVIII–XIX a.) patronimams virtus pavardėmis, buvusios patroniminės priesagos *-aitis, -ėnas, -onis, -ūnas* dažnai buvo numetamos. Todėl dabartinėje vartosenoje esama daug pavardžių variantų be patroniminių priesagų, tai yra be priesaginio asmenvardžio atitikmens, nors oikonimas rodo jį buvus.

¹⁴ Šaltiniai: Rabačiauskaitė Z. Prielinksniniai vietovardžiai // Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1969 T. 11. P. 243–255; Razmukaitė M. Lietuvos priesaginiai oikonimai: daktaro disertacija. V., 1998; Savukynas B. Kilmininkiniai lietuvių vietovardžiai // Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1963. T. 6. P. 235–241; Vanagas A. Lietuvos miestų vardai. V., 1996.

Antrinių oikonimų rajone yra šiek tiek mažiau — 154 (41 %). Antriniai oikonimai suskirstyti į darinius (152, 41 %) ir sudėtinius (2, 0,5 %). Dariniai — į vedinius ir dūrinius. Daugiau užrašyta vedinių (131, 35 %): galūnių (9, 2,4 %), priešdėlių (12, 3%), priesagų (104, 28 %) bei kitų vedinių (6, 2 %). Priesagų vediniai pasidaryti su 35 priesagomis, dažniausiai — su priesaga *-išk-* (40), pvz.: *Dóvain-iškis* k. : *Dóvainis*; *Martŷn-iškis* k. : *Martŷnas*. Daug mažesnę darinių dalį sudaro dūriniai (21, 6 %). Šių oikonimų pirmojo sando semantika yra gana marga, todėl jie skirstomi pagal antrąjį sandą, pvz.: *Mišk-ã-dvaris* k. : *mìškas, dvãras*; *Sóst-dvaris* k. : *sóstas, dvãras*.

Rajone užrašyti tik 2 (0,5 %) sudėtiniai oikonimai — tai dviejų ar daugiau savarankiškų žodžių junginiai, pvz.: *Trãkũ Pãkapẽs* k. : *trãkas* ‘miške pakilesnė pieva, aikštelė, iškirta ar išdegusi miško vieta’, *pakapẽ* ‘vieta palei kapines’; *Didýsis Plonėnas* k. : *didýsis, Plonėnas* k.

Vilkaviškio rajone užrašytas 401 oikonimas. Kaip ir Pakruojo rajono, visi oikonimai suskirstyti į pirminius (45, 11%), daugiskaitinius (123, 31 %) ir antrinius (225, 56%). Kaip matyti, gausiausia Vilkaviškio rajono oikonimų grupė, skirtingai nuo Pakruojo rajono, yra antriniai oikonimai. Pirminiai oikonimai yra suskirstyti į daiktavardinius (43, 11 %) ir būdvardinius (2, 0,5 %). Pirminių bendrinių daiktavardinių oikonimų yra daug daugiau, jie dažniausiai yra kilę iš fiziografinių terminų, pvz.: *Dirvónai* k. < *dirvónai* ‘apleistos, nedirbamos, sužėlusios dirvos’; *Íškartai* k. < *iškartai* ‘skynimai, kirtimai’, bei kitų objektų pavadinimų, pvz.: *Būdà* k. < *būdà* ‘namelis, palapinė, pastogė’, *Šulaĩ* k. < *šulaĩ* ‘įkasti klojimo durų, medinio šulinio rentinio, vartų, tilto ar kt. stulpai; medinio kibiro, statinės šono lentelės’.

Daugiskaitinių oikonimų Vilkaviškio rajone užrašyta mažiau negu Pakruojo rajone (123, 31 %). Kaip ir Pakruojo rajone, daugiskaitiniai oikonimai dažniausiai yra kilę iš asmenvardžių (107), bet skirtingai nuo Pakruojo rajono, čia labai nedaug tokių, kurie kilę iš asmenvardžių su patroniminėmis priesagomis (21). Kaip jau buvo minėta, Vilkaviškio rajone daugiausiai užrašyta antrinių oikonimų (234, 58 %): 224 (56 %) dariniai (iš jų 182 (45 %) vediniai ir 42 (11 %) dūriniai) ir 9 (2 %) sudėtiniai. Didžiausią vedinių dalį sudaro priesagų vediniai (160, 40 %), kurie sudaryti su 30 įvairių priesagų. Produktiviausia priesaga *-iškiai* (net 81 vedinys), su ja daugiausiai pasidaroma oikonimų vedinių iš asmenvardžių. Vilkaviškio rajone pastebima daugiau vedinių su slaviškomis priesagomis *-avas, -ka* bei jų variantais. Rajone užrašyta ir kitų vedinių: galūnių (13, 3%), priešdėlių (9, 2%). Mažesnę darinių dalį sudaro sudurtiniai oikonimai (42, 11 %). Vilkaviškio rajone jų rasta 9 (2 %), (kelis kartus daugiau negu Pakruojo rajone). Daugiau yra sudėtinų kvalifikacinių oikonimų (Pakruojo rajone toks yra tik vienas).

Pakruojo rajone užrašyti 156 hidronimai: 38 (24 %) pirminiai ir 118 (76 %) antrinių. Visi užrašyti pirminiai hidronimai yra daiktavardiniai, sudaryti iš kelių semantinių grupių: augalų pavadinimų, fiziografinių terminų, įvairių vietų pavadinimų, įvairių konkrečios ir abstrakčios reikšmės daiktavardžių, pvz.: *Serbeñtas* up. < *serbeñtas* ‘vaiskrūmis su valgomomis rūgščiai saldžiomis uogomis’, *Brùkas* up. < *brùkas* ‘akmenų grindinys’.

Antriniai Pakruojo rajone rasti hidronimai (118, 76 %) yra dariniai ir sudėtiniai. Dariniai sudaro gausiausią antrinių hidronimų dalį (110, 70 %). Užrašyti 49 (32 %) vediniai ir 61 (39 %) dūrinys. Didžiausią vedinių grupę sudaro priesagų vediniai: su 20 priesagų pasidaryti 32 (21 %) priesagų vediniai. Hidronimų daryboje išsiskiria priesagų *-elis, -ėlis, -iškis* vediniai, kurių darybos pamatas dažniausiai yra apeliatyvas. Galūnių vediniai sudaromi su galūnėmis *-ia, -ė, -is, -ys*. Šie vediniai nėra populiarūs rajono hidronimų daryboje (16, 10 %). Pakruojo rajone užrašytas tik vienas (0,6 %) priešdėlio vedinys, pasidarytas su priešdėliu *pa-*

(*Pã-markupelis* up.: *Mãrkupis* b., pv.) iš kito vietovardžio. Sudėtinių hidronimų rajone yra mažai (8, 5 %). Tai leidžia daryti išvadą, kad šis darybos būdas visiškai nepopuliarus.

Vilkaviškio rajono hidronimai pasiskirsto taip: daugumą sudaro antriniai (95, 80%), daug mažiau yra pirminių (24, 20%). Pirminiai hidronimai pasidaromi iš tokių semantinių grupių: gyvūnų pavadinimų (*Gul̃binas* up. < *gul̃binas* ‘gulbės patinas’), fiziografinių terminų (*Daubà* up. < *daubà* ‘slėnys, klonis, griova’), įvairių vietų pavadinimų (*U̇župis* up. < *u̇župis* ‘vieta už upės’), iš įvairių konkrečios ar abstrakčios reikšmės daiktavardžių (*Šiùlė* up. < *šiùlė* ‘statinė alui, vynui ir kt. laikyti’). Gausiausią antrinių hidronimų grupę sudaro dariniai (69, 58 %): 30 (25%) vedinių ir 39 (33%) dūriniai. Daugiausiai užrašyta priesagų vedinių 19 (16%), 7 (6%) galūnių ir 4 (3%) priešdėlių vediniai. Vilkaviškio rajone užrašyta gerokai daugiau sudėtinių hidronimų (26, 22 %) negu Pakruojo rajone. Visi sudėtiniai hidronimai yra kilmininkiniai.

Apibendrinant Pasvalio ir Vilkaviškio oikonimų analizę pasakytina: abiejų rajonų oikonimų darybai, kaip įprasta ir kitoms toponimų klasėms, būdingesni derivacinių požymių turintys antriniai vietų vardai. Savo gausa išsiskiria daugiskaitiniai oikonimai, kurie visiškai nebūdingi kitoms toponimų klasėms. Hidronimų didesnę dalį sudaro pirminiai vardai, sudaromi iš įvairių bendrinių daiktavardžių semantinių grupių. Aptarus dviejų Lietuvos teritorijoje esančių rajonų oikonimų ir hidronimų darybą nepastebėta labai didelių darybos skirtumų tarp šių klasių toponimų.

Atlikus tik sinchroninę dviejų toponimų klasių — hidronimų ir oikonimų — analizę nebuvo pastebėta naujų tose teritorijose gyvenusių genčių (jotvingių ir žiemgalių) kalbos faktų. Straipsnyje atliktą tyrimą tikimasi tęsti, aptariant visų toponimų klasių darybą, kurią būtų galima panaudoti diachroniam tyrinėjimui, papildžius medžiagą šio amžiaus pradžioje surinktais duomenimis. Tik tokia analizė galėtų padėti aptikti baltų genčių kalbos relikto, kurie papildytų kalbininkų žinias apie šias išnykusias kalbas, atskleistų naujas būdingas ypatybes. Toks būtų tolimesnis toponimų tyrinėjimo kelias, kuris patikslintų ir papildytų sinchroninio tyrimo faktus bei daromas išvadas.

Erdvilas Jakulis (Vilnius)

Veiksmazodžių *tekėti*, *braškėti* ir *varvėti* kilmė

Pranešimui pasirinkti keli lietuvių kalbos priesagos *-ėti a*-kamieno veiksmazodžiai, priklausantys skirtingiems chronologiniams sluoksniams (indoeuropietiškajam, rytų baltų ir lietuvių) ir skirtingoms morfonologinės struktūros bei semantikos grupėms, geriausiai parodantys aptariamojo tipo veiksmazodžių susiformavimą.

Pačiam seniausiam tiriamojo tipo sluoksniui priklauso veiksmazodis *tekėti*, *tėka*, vartojamas visose lietuvių tarmėse, turi daugiausia reikšmių (LKŽ duomenimis — 12), iš kurių svarbiausia ir seniausia — judėjimo (‘judėti srove, bėgti’). Iš šios reikšmės nesunkiai išvedamos ir kitos — ‘lašėti; srūti; leisti skystį; kilti (apie dangaus kūną); eiti už vyro ir kt.’. Šis veiksmazodis nėra išvestinis (su veiksmazodžiu *tuōkti*, *tuōkia* jį sieja tik etimologinis ryšys). Latvių kalboje yra tokios pat morfolginės struktūros ir reikšmės atitikmuo *tecēt*, *tėku*, *tecēju*. Remiantis kitų kalbų atitikmenimis — šakniniais veiksmazodžiais r. *течь*, *теку́*, sl. **tešti*, **tekō*, ‘tekėti’; skr. *tākti*, *tākati* ‘skuba, veržiasi’, ‘schießt dahin’; air. *techim* ‘pabėgu’ ir kt. — rekonstruojamas ide. verb. **tek-* ‘bėgti, tekėti’.

Veiksmazodis *braškėti, brāška* ‘išduoti lūžimo garsą, traškėti; smarkiai šalti’ : la. *brakš(k)ēt* ‘tratėti, trekšėti’ priklauso naujesniam rytų baltų leksikos sluoksniui. Tokių imitatyvų lietuvių ir latvių kalbose radosi ir savarankiškai. Etimologinėje literatūroje lie. *braškėti* siejamas su panašios garsinės reikšmės germanų šakniniais veiksmazodžiais (pvz. *braschen*, s. isl. *brasta* ‘spragsėti’), ir kildinamas iš ide. **b^hreg-* (arba **brāg-*) ‘laužti’ + *-*sk-*. Tačiau tam prieštarauja keletas dalykų:

1. Vargu ar -*šk-* galėtų būti darybinės reikšmės netekęs esamojo laiko formantas ide. *-*sk¹⁵-*, nes tokio tipo šaknies finalės plėtiklių (-*šk-*, -*sk-*, -*zd-*, -*zg-* ir pan.) turi labai daug neišvestinių imitatyvinių lietuvių ir latvių *tekėti* tipo veiksmazodžių, paprastai reiškiančių garsą ir nesiejamų su indoeuropietiškomis veiksmazodžių šaknimis. (Kita vertus, nederėtų visiškai atmesti galimybės, kad tokiam struktūriniam elementui *ST* atsirasti ir išplisti pradžia galėjo duoti būtent darybinis formantas ide. *-*sk-*, kuris, apibendrintas visoms laikų formoms, virto šaknies dalimi.)

2. Tiek lietuvių, tiek latvių kalbose veiksmazodis *braškėti* turi įvairių alternatyvių formų — lie. *braškėti, barškėti, traškėti, tarškėti* ir pan., la. *brākš(k)ēt* ‘poškėti; dundėti’ ir pan. Be to, greta šių šaknų paprastai egzistuoja ir ištiktukai *brākš(t), trākš(t), bārks(t), tārks(t)* bei atitinkami priesagos -*sėti si*-kamieniai vediniai *brakšėti, trakšėti, barkšėti, tarkšėti*.

Visa tai rodo, kad veiksmazodis *braškėti* yra garsažodinės kilmės.

Veiksmazodis lie. *varvėti, vařva* ‘sunktis, lašėti ir kt.’ taip pat yra pirminis (plg. vedinius *varvénti, -ēna* ‘po truputį varvėti’, *vařvinti, -ina* ‘caus. varvėti’, dial. *varvas* ‘lašas’, *vařvos* ‘kas nuvarvėję, varvekliai’ ir kt.). Etimologinėje literatūroje jis siejamas su s. i. *vār* ‘vanduo’, av. *vār* ‘lietus’, iran. av. *vār* ‘lyti’, toch. A *wār*, B *war* ‘vanduo’, s. skand. *vari* ‘skystis, vanduo’ ir kildinamas iš ide. **uēr-*, **uer-*. Tačiau galimas ir kitoks aiškinimas. Kadangi paveldėtųjų *tekėti, tēka* tipo veiksmazodžių atitikmenys kitose kalbose paprastai būna šakniniai veiksmazodžiai, o iš visų šaknies **uēr-* refleksų tik lie. *varvėti* yra reduplikacinis, jo kilmei paaiškinti užtektų ir lietuvių kalbos duomenų. Šaknies reduplikacija būdinga imitatyviniams rytų baltų ir lietuvių kalbos *tekėti, tēka* tipo veiksmazodžiams (LKŽ jų rasta 121), paprastai reiškiantiems garsą ir su garsu susijusį judėjimą bei turintiems greta egzistuojantį ištiktuką, pvz.: *virvėti, vīrva* ‘čirenti, skambėti; drebėti; krutėti’ (: interj. *viř* ‘kartojant nusakomas čiulbėjimas, greitas vingiuojamas bėgimas, virpėjimas, sukimasis, tęsiamas garsas’), *vervėti, vérva* ‘įkyriai loti, niurzgėti, įkyriai prašyti’ (: interj. *ver* ‘kartojant nusakomas kūdikio verkšlenimas, neaiškus kalbėjimas’) ir kt. Greta veiksmazodžio *varvėti, vařva* ‘lašėti ir kt.’ taip pat yra ištiktukas *vař* ‘kartojant nusakomas neaiškus kalbėjimas’. Taigi turbūt lie. *varvėti* galėtume laikyti nauju lietuvių kalbos imitatyvu.

Taigi, nustatant rytų baltų veiksmazodžio kilmę, būtina atsižvelgti į kitus tokio paties morfologinio tipo veiksmazodžius, iširti semantikos, morfo(no)loginės struktūros ypatumus, darybinius ryšius ir santykius su kitais veiksmazodžių tipais. Tik sistemiškai išanalizavus sinchronijos duomenis, galima ieškoti giminaičių kitose kalbose ir nustatyti, kada tam tikra veiksmazodinė šaknis atsirado.

¹⁵ Šis formantas gerai išlikęs lotynų, graikų kalbose, kur turi mutatyvinę reikšmę, ir apnykęs sanskrito kalboje.

Содержание

От редактора	1
Конференции по балтистике в СПбГУ	2
<i>Алексей Викторович Андронов (Санкт-Петербург)</i> . Имена собственные в двуязычном словаре	3
<i>Александр Евгеньевич Аникин (Новосибирск)</i> . К проблеме диффузии балтизмов в славянских языках	5
<i>Romualdas J. Arpanavičius (Vilnius)</i> . Lie. <i>šiėnas</i> , rus. <i>сено</i> , suom. <i>heinä</i> — ide. * <i>kei-</i> <i>gulėti</i> ’	6
<i>Лаймуте Балодэ (Рига — Хельсинки)</i> . Проблемы этимологизации топонимов одной волости Латвии (Лаши)	7
<i>Agnė Bielinskienė (Kaunas)</i> . Lietuviškų pravardžių su formantu <i>-utis, -ė</i> struktūra	8
<i>Aina Blinkena (Rīga)</i> . Adejktīvu afiksācijas problēmas	9
<i>Оярс Буис (Рига)</i> . Некоторые латышские этимологии, преимущественно на топонимическом фоне	10
<i>Lembīt Vaba (Tampere)</i> . Latviešu uzvārdi Igaunijas uzvārdu sarakstā un latviešu-igauņu kontakti	11
<i>Bernd Gliwa (Sargeliai)</i> . On Lithuanian names for henbane ‘ <i>Hyoscyamus niger</i> L.’	12
<i>Ванда Пятровна Казанскене (Санкт-Петербург)</i> . К этимологии лит. <i>žiedas, žiėdas</i> ‘кольцо’ и ‘чашечка цветка’	13
<i>Audronė Kaukienė (Klaipėda)</i> . Veiksmazodžio <i>trinti</i> kilmė	15
<i>Юрате–София Лаучюте (Клайпėда)</i> . Некоторые аспекты этимологии заимствованных слов	16
<i>Raita Makare (Rīga)</i> . Partikulu etimoloģija un funkcijas	17
<i>Inga Milėviča (Daugavpils)</i> . Īpašvārdi — kulturoloģiskie stereotipi mūsdienu Latvijas publicistikā	18
<i>Светлана Муране (Даугавпилс)</i> . Онопатопеическая мотивация глаголов звучания русского и латышского языков	19
<i>Norbertas Ostrovskis (Poznanė)</i> . Senosios lietuvių kalbos denominatyvai su <i>priesaga -ėti</i>	21
<i>Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)</i> . Словообразование и ономастическая этимология	22
<i>Jurgis Pakerys (Vilnius)</i> . Etimologija ir denominatyvinių veiksmazodžių darybinės reikšmės	24
<i>Светлана Полковникова (Даугавпилс)</i> . Мотивация глаголов речи латышского и русского языков	25
<i>Erika Rimkutė (Kaunas)</i> . Tikrinių daiktavardžių vartosena anotuotame lietuvių kalbos tekstyne	27
<i>Jānis Rozenbergs (Rīga)</i> . Etimoloģija un semantika	28
<i>Ilona Sideravičiūtė-Mickienė (Kaunas)</i> . Kuršių kalbos reliktai Lietuvos toponimuose	28
<i>Daiva Sinkevičiūtė (Vilnius)</i> . Lietuvių trumpinių su <i>priesaga -š-</i> kilmė	30
<i>Vilma Šaudiņa (Daugavpils)</i> . Aizgūvums vai mantots vārds?	31
<i>Saulutė Juzelėnienė, Ilona Sideravičiūtė-Mickienė (Kaunas)</i> . Apie Pakruojo ir Vilkaviškio rajonų vietovardžių darybą	31
<i>Erdvilas Jakulis (Vilnius)</i> . Veiksmazodžių <i>tekėti, braškėti</i> ir <i>varvėti</i> kilmė	33